

Анатолий Дроздов

КОНДОТЬЕР БОГДАНОВ

Анатолий Дроздов
Кондотьер Богданов

«1С-Публишинг»

2020

Дроздов А. Ф.

Кондотьер Богданов / А. Ф. Дроздов — «1С-Публишинг», 2020

Июнь 1944 г. Подбитый над линией фронта ночной бомбардировщик По-2 приземляется в незнакомой местности. Утром экипаж с изумлением узнает, что это не СССР и не тыл врага, а Древняя Русь. Летчики предстают перед выбором: пытаться любыми путями вернуться в полк или включиться в борьбу русичей с Ливонским орденом? К тому же, несмотря на Средневековье, враг умен и коварен, смертельно опасен и готов на все, чтоб устранить внезапно возникшую угрозу его планам...

© Дроздов А. Ф., 2020

© 1С-Публишинг, 2020

Содержание

1	5
2	13
3	20
4	28
5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анатолий Дроздов Кондотьер Богданов

Летчикам, сражавшимся на По-2, посвящается

1

Богданова сбили над линией фронта.

Все было сделано правильно: проложен маршрут, выбран оптимальный эшелон полета, учтены разведанные с переднего края, но немцев за дураков держать не следовало. Их звукоулавливающие установки слышат стрекозу за километр. Просчитать маршруты По-2, если полк долгое время базируется на одном аэродроме, труда не составит, особенно при желании. Желание было. Ночные бомбардировщики немцам – кость в горле: не дают спать переднему краю, засыпая окопы осколочными бомбами, термитными боеприпасами сжигают дома и склады; а выгружать людей и технику на ближней железнодорожной станции – риск смертельный: налетят, разбомбят, прострочат из пулеметов и исчезнут, невидимые в ночном небе. Словом, немцы захотели их подловить и подловили.

Перед звеном По-2 встала голубая стена, и самолет Богданова первым влетел в луч прожектора. Немедленно по сторонам вспухли черные шапки, по фюзеляжу будто палкой застучали, за спиной летчика жалобно вскрикнула штурман. Богданов инстинктивно отжал ручку управления и правым, непривычным для зенитчиков разворотом, ушел в пике. Осколки при разрыве зенитных снарядов летят главным образом вверх, снизиться – уцелеть. Медлить нельзя. Бронированному Ил-2 осколки – семечки, в фанерном По-2 каждый – твой.

Вырваться у Богданова получилось. Свет прожектора, в котором летчик теряет ощущение пространственного положения и чувствует себя, словно раздетым, остался позади. Богданов выровнял машину и бросил взгляд на приборную доску – пятьсот метров. Потянул ручку на себя и оглянулся. Темное небо резали голубые мечи прожекторов, скрещивались, поймав в темном небе хрупкие самолеттики. Звено повторило его маневр, но запоздало: прожектористы держали тихоходные самолеты, как в тисках. Зенитные орудия умолкли, но с земли к По-2 тянулись плети пулеметных трасс. Ребятам приходилось туго.

– Лисикова! – окликнул Богданов.

Штурман не отозвалась. Богданов прибрал газ и позвал еще – ответом был свист в расчалках. «Убили? – подумал Богданов. – Ну и хрен с ней! – решил в припадке не остывшей злости: – Не будет к особисту бегать!» Он заложил вираж и с набором высоты полетел обратно. Ребятам следовало помочь. Шарики бомбосбрасывателей – в кабине штурмана, по три с каждого борта, но у пилота есть аварийный сброс. Шесть ФАБ-50 накроют зенитную батарею, после чего два «эрэса» – по прожекторам! В завершение прострочить из «шкаса»... Я вам устрою засаду! Научитесь фатерлянд любить...

Родину любить научили его. То ли немцы расслышали мотор приближавшегося бомбардировщика, то ли зенитчик полоснул очередь наугад, но огненная трасса внезапно прочертила небо перед лицом Богданова и хлестнула по фюзеляжу. Мотор смолк, словно подавившись. Богданов бросил самолет в сторону и перевел машину в пике. Трассеры ушли влево и назад, Богданов выровнял По-2. С минуту он лихорадочно крутил магнето, дергал дроссель и корректор высоты. Мотор не только не «схватывал» – не отзывался вообще.

– Твою мать! – выругался Богданов.

Он развернул машину и перевел ее в планирование. Порыв ветра подхватил легкий самолетик и понес к линии фронта. Оставалось надеяться: до своих дотянет. Третьего возвращения

из немецкого тыла ему не простят. Да еще без Лисиковой. Скажут: пристрелил тихонько, и ведь не докажешь! Требовал убрать из экипажа, кричал, грозился... Язык ты наш длинный, что бы тебя вовремя прикусить...

По-2 врезался в облако. В небе и без того было темно, теперь – словно одеялом накрыли. «Откуда облачность?» – в сердцах подумал Богданов. – Вылетали – было ясно. И синоптик не обещал...» Однако темень не пропала – оставалось следить за приборами, с горечью наблюдая, как быстро движется стрелка высотомера. «Если облачность низкая, грохнусь! – подумал Богданов. – Земли не разглядеть! Под крыльями – бомбы...» Бомбы сбросить следовало сразу, но он завозился и упустил время. Теперь поздно – посечет своими же осколками...

Богданов не боялся смерти – привык к ней за годы войны. Трижды его сбивали, не раз он садился на вынужденную, дважды привозил на аэродром мертвых штурманов. Из тех, с кем начал воевать в сорок первом, в живых не осталось никого. Смерть сопровождала его неотвязно, и то, что он до сих пор жив, было чудом. Богданов осознавал, что чудеса не приходят сами по себе, и к вылетам относился серьезно: изучал обстановку в районе цели, полетные карты, тщательно прокладывал маршрут, доводил до каждого экипажа личное задание и скрупулезно обсуждал с летчиками и штурманами звена поведение в воздухе. Это сокращало потери, но не гарантировало жизнь. Желание уцелеть понятно, но до определенной черты. В полку один черту переступил. Сразу после вылета возвращался, объясняя это неполадками в моторе. Техники проверяли и ничего не находили. Пилот упорствовал, штурман подтверждал. На По-2 устроить перебои в моторе проще простого – достаточно подергать корректор высоты. Командиру полка канитель надоела, подключил особиста. На «неисправный» самолет посадили другого пилота, тот слетал на задание и благополучно вернулся. Труса судили, разжаловали и отправили в штрафбат. В полк он не вернулся...

По-2 выскочил из облака так же внезапно, как влетел в него, и Богданов увидел впереди светлую ленту реки. «Откуда она здесь?» – подумал недоуменно. – На карте не было!» Думать далее было некогда: По-2 снижался стремительно. Самолет перескочил реку, едва не касаясь колесами воды, мягко приземлился на противоположном берегу и покатил по густой траве. Темная стена леса резво бежала навстречу, заслоняя небо. «Разобьемся!» – подумал Богданов, но в последний момент лес словно расступился. Самолет вкатился на небольшую полянку, словно в ангар, и замер.

Богданов с минуту сидел неподвижно, не веря, что все закончилось, затем отстегнул лямки парашюта и выбрался на крыло. Лисикова в кабине штурмана уткнулась головой в приборный щиток. Убили... Богданов не стал трогать тело – без того на душе погано. Спрыгнул на траву и прислушался. Вокруг было тихо – пожалуй, даже неестественно тихо. Нигде не стреляли, не бряцали оружием, не переговаривались и не хрустели ветками, подбираясь к самолету. Богданов достал из кобуры «ТТ», перевернул затвор и с пистолетом в руке пошел к опушке. Трава на поляне была высокой, мокрой от росы, и летчик ощутил, как сразу набухли и прилипли к голенищам сапог штанины комбинезона. Светила неестественно яркая луна – будто САБ в небе подвесили; свет ее пробивался сквозь ветви деревьев, и Богданову хорошо были видны и нетронутая роса на несмятой траве, и потемневшие от влаги головки хромовых сапог. На опушке Богданов остановился и внимательно осмотрел берег. Тот был пустынен – ни человеческой фигуры, ни движения. Передний край они благополучно миновали. «А если это немецкий тыл? – внезапно подумал Богданов. – Линия фронта здесь изгибается...» Летчик с досадой увидел на росном лугу три темные полосы, бежавшие от берега к лесу – следы колес шасси и костыля. В ярком, ровном свете луны полосы проступали, как нарисованные. «Откуда такая луна? – недоуменно подумал Богданов, пряча «ТТ» в кобуру. – Вылетали – была другая!»

Он не стал мучить себя догадками и вернулся к самолету. Лисикова сидела в кабине, откинувшись на спинку.

– Жива? – обрадовался Богданов.

Штурман не ответила. Присмотревшись, летчик увидел две блестящие дорожки на бледном лице.

– Ранили? Куда?

– В ногу, – сдавленным от боли голосом сказала Лисикова.

– Встать можешь? – спросил Богданов, чувствуя неловкость за нотку, проскользнувшую в его голосе. Раненый напарник при посадке на вынужденную – обуза. Лисикова, естественно, это понимает. А он не сумел скрыть...

Штурман привстала и, ойкнув, шлепнулась обратно. Богданов молча расстегнул лямки ее парашюта (привязными ремнями в их эскадрилье не пользовались) и легко вытащил Лисикову из кабины. Весила она меньше, чем ФАБ-50. Усадив штурмана на крыло, Богданов осмотрел ее ноги и присвистнул: на левом бедре расплывалось по комбинезону темное пятно. Летчик вытащил из нагрудного кармана перевязочный пакет, зубами сорвал прорезиненную оболочку и туго перевязал рану прямо поверх комбинезона. Лисикова постанывала, но видно было: сдерживалась. Богданов осторожно водворил ее обратно в кабину, после чего забрался к себе. До рассвета делать было нечего, оставалось ждать.

...С особистами ему не везло. Осенью сорок первого его послали с рацией и продовольствием в окруженную под Вязмой армию. Поляна, которую отвели окруженцы под аэродром, оказалась маленькой, и Богданов по неопытности влетел в кусты, побил винт. Второй По-2 (тогда еще У-2) улетел. Сослуживец пообещал следующей ночью привезти винт, но на рассвете явился «мессер» и сжег беззащитный самолет. Сослуживец не прилетел (позже выяснилось, что его сбили на обратном пути), и Богданов стал пробираться к своим. Зарос, отоцал, но выбрался. Попутки довели его до аэродрома, а там прищемил особист. Посадил на «губу» и ежедневно таскал на допросы. Богданов, не в пример другим, вышел из окружения в форме, при оружии и документах, но особист именно это счел подозрительным. Твердил как попугай:

– Кто и как тебя завербовал? Какое задание дали?

Фамилия у лейтенанта НКВД была Синюков, и Богданову, ошалевшему от бесконечных допросов, стало казаться, что лицо у лейтенанта тоже синее, как у упыря.

– Пишите! – сказал он, не выдержав. – Расскажу про задание.

Синюков с готовностью схватился за карандаш.

– Немцы поручили передать лейтенанту НКВД Синюкову, – четко выговаривая слова, сказал Богданов, – что не там шпионов ищет!

Особист от злости переломил карандаш пополам.

– Под трибунал пойдешь! – прошипел. – Завтра же!

Однако завтра на гауптвахту, устроенную в сарае деревенского дома, пришел не особист, а командир полка Филимонов. Протянул Богданову пояс с кобурой.

– В полку три летчика остались, – сказал сердито, – а ты прохлаждаешься. Марш в строй!

Богданов козырнул и побежал к штабной избе. Особист от него отстал, но разговора не забыл. Год спустя Богданов со штурманом Колей Сиваковым в составе звена вылетели на бомбежку железнодорожной станции Ясное. Чтоб не привлекать внимания немцев, шли к цели порознь, разными маршрутами. И по пути увидели другую станцию, Петровку, забитую эшелонами. На станции даже горели фонари – немцы не опасались налета.

– Командир! – закричал Сиваков. – Ну, ее на хрен, эту Ясную! Ребята сами справятся. Нельзя такую цель упустить!

Покойный Коля, как и Богданов, был парнем порывистым – надо ли говорить, что спора не возникло? Они подкрались к станции на скольжении, бесшумно, и Коля, словно руками, положил первую ФАБ-50 прямо в стоявший под разгрузкой состав с цистернами. К небу взметнулось высокое пламя, Богданов развернулся, и Коля спустил вторую бомбу на паровоз у выезда со станции – закупорил путь. После чего они еще четырежды заходили на цель, а в завершение Коля построчил из «шкаса». Вся станция была объята пламенем, пылали нефте-

наливные цистерны, с грохотом взрывались снаряды. Обратной дорогой они с Колей пели. А по возвращении угодили на гауптвахту.

– Где были, куда бомбы сбросили? – тянул жилы Синюков. – Какая Петровка? Ее «Пе-2» разбомбили из соседнего полка – я звонил. Признавайтесь, трусы!

Мурыжили их несколько дней, после чего внезапно, без всяких объяснений выпустили. Позже Богданов узнал, что командующий фронтом велел представить летчиков, разбомбивших станцию Петровка (из-за чего сорвалось наступление немцев), к званию Героев. Разведка выяснила, что на станции сгорели двенадцать эшелонов и семь паровозов. Командир полка «Пе-2» заикнулся о своих, но на столе командующего лежало донесение: станцию бомбил У-2. К тому же Пе-2 ночами не летают... Богданова с Колей выпустили, но Героев не дали – Синюков похлопотал. Вручили каждому необычную среди летчиков медаль «За отвагу» и велели молчать. Они с Колей и рады были: не за орденами летали.

Спас их тогда Филимонов, лично доложивший командиру авиадивизии о случившемся. По просьбе Филимонова Синюкова куда-то перевели, его заменил Гайворонский – тучный, мордатый капитан. В отличие от Синюкова, держался он просто, шпионов под кроватями не искал и любил посидеть в компании с летчиками. Выпив, Гайворонский вспоминал семью (у капитана было двое детей) и хвастался красавицей-женой. Черт дернул Богданова за язык. Надо сказать, выпили они немало. Экипажам ночных бомбардировщиков фронтовые сто граммов наливают за завтраком, когда не только пить – есть не хочется. Поначалу водка оставалась в графинах, но потом кто-то сообразил переливать во фляги – про запас. Насобирали, набрались... Погода стояла нелетная... Богданов и сболтнул:

– Что скажете своим детям, товарищ капитан, когда домой вернетесь? Вы ни разу в сторону немцев не выстрелили!

Гайворонский побагровел и пулей выскочил из столовой. Леня Тихонов, друг, покрутил пальцем у виска. Богданов сам понимал, что сморозил. Что его разобрало? Может, иконостас из орденов на груди особиста? У Богданова орденов хватало, но у капитана больше. А ведь Богданов летал чуть ли каждую ночь...

Капитан отыгрался скоро. Богданова сбили, он сел на вынужденную в немецком тылу. Коля Сиваков погиб – снаряд малокалиберной зенитки разорвался у него в кабине. Богданов в одиночку пошел к своим. Тыл кишел немцами, добираться к своим в форме и с документами даже думать было нельзя. В ближней деревне Богданов оставил все, кроме пистолета. Старик, принявший форму и документы (особенно жалко было орденов), дал взамен промасленный комбинезон и бумажку, где говорилось, что предьявитель сего служит у немцев на железной дороге. Одежда и бумажка принадлежали покойному сыну деда – тот умер от тифа. Богданов запомнил название деревни, фамилию старика и потопал к фронту. Пришлось прятаться в лесах, отстреливаться от полицаев (одного убил, остальные отстали), к своим вышел только на четвертый день. Вот тут Гайворонский и взял его в оборот. Дело шло серьезное – измена Родине, пахло не штрафбатом – расстрелом. Филимонов, золотая душа, выручил снова. Послал в тыл По-2 – экипаж Лени Тихонова вызвался добровольно. Ребята ночью сели у деревни, забрали у деда форму и документы Богданова, заодно привезли письменное объяснение старика. Рисковали, конечно, но сделали как надо. Капитан скрипел зубами, но Богданова выпустил. Расстались они плохо. Богданов понимал: в следующий раз не повезет.

Богданову дали новый самолет, но летал он теперь как связной и транспортник. Никто не хотел к нему штурманом. Летчики – народ суеверный, три убитых штурмана у пилота – достаточное основание не спешить занять их место. Богданов злился, ходил к командиру полка, тот лишь плечами пожимал. Но однажды сказал:

– Есть рапорт оружейницы Лисиковой. Закончила летную школу, штурман, просилась в 46-й гвардейский полк, где одни женщины. Там не взяли – добровольцев хватает. Чтоб не

сидеть в запасном полку, переучилась на оружейницу. Девка хорошая, служит добросовестно. Возьмешь?

Богданов поморщился:

– Баба? Нужен опытный штурман!

– Тебе-то зачем? – усмехнулся Филимонов. – Ты на карту раз глянешь – и запомнил! Сколько раз летал к партизанам и на выброску диверсантов без штурмана? Не заблудишься! Главное – бомбы метко бросать. Справится!

– Дайте хотя бы проверить! – взмолился Богданов.

Филимонов согласился. Богданов несколько раз вывез Лисикову в учебные полеты, втайне надеясь, что малявка напутает или сделает что не так. Не вышло. Не то, чтоб Лисикова показала класс, но в воздухе ориентировалась уверенно, бомбы бросала точно. Богданов нехотя согласился.

Появление нового штурмана развеселило эскадрилью. Лисикова была не просто женщиной, а очень маленькой женщиной – Богданову до плеча. Форма, даже ушитая, сидела на ней, как на пугале, сапоги на пять размеров больше болтались на ноге, пилотка сползала на нос. «Дите горькое!» – как определил Тимофей Иванович, механик Богданова. Летчики с серьезным видом предлагали Богданову отныне подвешивать к самолету только ФАБ-100 – раз штурман ничего не весит, нельзя терять такую возможность! Другие советовали привязать к костылю гирию: у По-2 хвост легкий, без должной нагрузки самолет при посадке скапотитует. Однако зубоскалили в эскадрилье недолго. В одном из вылетов подбили Леню Тихонова, причем ранили обоих: пилота и штурмана. Леня сел на вынужденную в немецком тылу. Богданов, заметив, приземлился рядом. Леню со штурманом засунули в кабину штурмана, Лисикова встала на крыло, уцепившись за стойки. Времени привязать ее не было – к самолету бежали немцы. Богданов взлетел. По приземлении Богданову пришлось расплести ее пальцы – сама разжать не могла. После того случая над Лисиковой шутить перестали: стоять на крыле летящего По-2 не каждый мужик решится.

Рана Лени оказалась не тяжелой, он уговорил врача не отправлять его в госпиталь. Летать ему запрещали, пилот болтался в расположении полка. Он-то и принес Богданову весть:

– Лисикова твоя к Гайворонскому бежит!

– Может, у них любовь? – отмахнулся Богданов.

– С Лисиковой? – изумился Леня.

Друг был прав: представить смешную малявку чьей-то возлюбленной...

– Она днем к нему бежит, не ночами, – уточнил Леня.

Богданов не придал значения словам друга, но запомнил. В следующую ночь они вылетели на бомбардировку речного порта у родного города Богданова. Отбомбились успешно, Богданов не удержался и завернул к родному дому. Светало, дом он нашел быстро. Заложил вираж над знакомой улицей, покачал крыльями. Богданов не имел вестей от родных с момента оккупации города, не знал, уцелел ли кто, и понимал, что в этот предрассветный час его вряд ли увидят. Однако душа требовала, и он уступил. Вернувшись на аэродром, Богданов завалился спать, в час его разбудили на обед. Богданов допивал компот, когда в столовую прибежал посыльный: его звал Гайворонский. Недоумевая, Богданов застегнул воротничок и отправился к капитану.

– Кому подавал знаки во время вылета? – сходу набросился особист. – Кому крыльями качал? О чем хотел сообщить?

Толком не проснувшийся Богданов тарашил глаза, и только потом вспомнил.

– В моем личном деле, – сказал, с трудом сдерживая ярость, – есть сведения о месте рождения и адрес, где проживают родные. Я качал крыльями, давая знать, что скоро доблестная Красная Армия освободит их из фашистской неволи.

Гайворонский полистал дело, заглянул в карту и отпустил летчика. Богданов вернулся в столовую. Лисикову он встретил у входа.

– Летать со мной не будешь! – бросил в испуганные серые глаза. – Ищи другого пилота! Мне стукачи не нужны!

Она как-то сжалась и не ответила. Богданов отправился к командиру эскадрильи.

– Нет у меня другого штурмана! – разозлился комэска. – Нет! Боевой расчет составлен, полетишь с Лисиковой!

– Сброшу бомбы, ее следом вытряхну! – пригрозил Богданов.

– Пойдешь под трибунал! – сказал комэска и добавил вполголоса. – Потерпи чуток! Прибудет пополнение – заменим. Отправится пулеметные ленты набивать. Не дури, Андрюха! И придержи язык! Раззвонил всем! Теперь не дай бог что – виновного сразу найдут! Догадываешься, кого?

День прошел, как в тумане. На политзанятиях и занятиях по тактической подготовке Богданов сидел, растравляя в душе обиду. Из-за этого и полет проработал формально. Следовало, как прежде, лететь к цели поодиночке. Поперлись звеном! Ну, и получили!..

Проснулся Богданов от пения птиц. Целый сонм пернатых устроил в кронах сосен такой ор, что и мертвого поднял бы. «Птицы – это хорошо! – решил Богданов, потягиваясь. – Когда в лесу люди, они молчат!»

Богданов вылез на крыло, достал из кабины и бросил на траву парашют. Затем вытащил и усадил на него Лисикову. Выглядела штурман неважно: бледная, с красными пятнами на щеках. Богданов сбросил на землю и ее парашют, затем достал из гаргрота заветный вещмешок. Если ты хоть раз выбирался к своим из немецкого тыла, поневоле станешь запасливым. В вещмешке лежали трофейный немецкий нож, котелок, выпрошенные у начпрода бортпайки, перевязочные пакеты и, самое главное, полненькая фляга спирта. Ребята, случись им узнать о спирте, не простили бы, но Богданов в отдельных ситуациях умел молчать. Болтнув флягой, Богданов повернулся к Лисиковой.

– Снимай комбинезон! И шаровары.

«Зачем?» – прочел он в ее взгляде.

– Рану надо посмотреть.

Лисикова колебалась.

– Тебе Гайворонский не говорил, что до войны я три курса мединститута закончил?! – спросил Богданов, ощутив прилив злости. – Что на финской в медсанбате служил? Снимай!

Она опустила голову и стала расстегивать пуговицы. Богданов стал помогать. Когда сапоги с ворохом портянок, а следом и шаровары оказались на траве, Богданов бесцеремонно повернул штурмана на бок. Покачал головой. В левом бедре девушки торчал осколок. Толстый, зазубренный. Богданов плеснул спирта на тампон снятой повязки, стер подсохшую кровь. Показалась покрасневшая кожа, наощупь она была горячей. Богданов плеснул в ладонь спирта и тщательно протер руки.

– Сейчас будет больно! – сказал сурово. – Терпи!

Лисикова кивнула. Богданов ухватил край осколка пальцами и потянул. Лисикова застонала, но, поймав грозный взгляд, умолкла. Осколок сидел глубоко и поддался не сразу. «Не задеть бы бедренную артерию! – думал Богданов, хватаясь покрепче за скользкий от крови металл. – Она где-то рядом...» Осколок, наконец, поддался. Он был длиною с полмизинца и толстый. К облегчению Богданова, кровь не брызнула, вышла наружу мягким толчком. Богданов затампонировал рану и поднял комбинезон штурмана. Вдохнул: на левой штанине, по центру кровавого пятна, красовалась дырка. Точно такая же оказалась на шароварах. Не приходилось сомневаться: вырванные из одежды лоскуты – в ране.

– Вот что, Лисикова! – сказал Богданов, присев на корточки. – Сейчас снова будет больно – даже больше, чем прежде. Надо достать ткань из раны, иначе загноится. Потерпишь?

Она кивнула и закусила губу. Богданов достал из вещмешка ложку, протер ее спиртом. Затем запустил ручку в рану и стал ковырять, пытаясь подцепить лоскуты. Лисикова мычала

и скрежетала зубами, но не дергалась. Достать маленькие, скользкие лоскуты никак не получалось. Плюнув, Богданов взял нож. Расширив рану ручкой ложки, ковырял в ней ножом, но лоскуты достал. Приложил к одежде – они! Перевязав рану, Богданов облегченно выпрямился. Лисикова смотрела на него побелевшими от боли глазами.

– Ерунда! – сказал Богданов ободряюще. – Кость не задета, артерия – тоже. В медсанбате за неделю поправишься.

«Где только этот медсанбат? – подумал сам. – Как до него добраться?»

Лисикова, похоже, подумала то же самое, поскольку вздохнула. Богданов помог ей натянуть одежду и сапоги. «Ноги – как у цыпленка, – усмехнулся про себя, – а трусики шелковые. Кому на них смотреть?»

Богданов кривил душой: ноги у Лисиковой оказались на удивление изящные, разве что худенькие. Богданов с острой тоской вспомнил полные ноги Клавы – гладкие, с прохладной, нежной кожей бедер...

– Пить! – попросила Лисикова.

– Схожу к реке! – сказал Богданов, хватая котелок.

– Сними пулемет со шкворня! – попросила она.

Богданов одобрительно хмыкнул и принес ей «ДТ». Оружейники не раз предлагали установить в кабине штурмана скорострельный «шкас» – Богданов отказывался. Против немецких самолетов что «шкас», что «ДТ» – детские рогатки, зато на земле «ДТ», в отличие от «шкаса», – вещь полезная. Лисикова ловко прикрутила к пулемету сошки, поставила перед собой, а Богданов отправился за водой. Выйдя из леса, он пошел вдоль опушки – с правого края бор вплотную подступал к реке, не надо пересекать обширный луг, рискуя попасть под недружеский взгляд. Оно-то пустынно кругом, но кто знает...

На родник он наткнулся случайно, едва не влетев сапогом в ручеек. На дне глубокой ямки холодным ключом бурлила вода, избыток изливался наружу, тихим ручьем струясь к реке. Родник не был обустроен – ни сруба, ни лотка для слива – люди здесь явно не ходили. Богданов напился до ломоты в зубах, отмыл кровь с рук, затем, фыркая, ополоснул лицо. Почувствовал себя бодрее. Зачерпнув из родника котелком, отправился обратно. Лисикова сидела на прежнем месте, но почему-то смотрела вверх. Богданов проследил ее взгляд и заметил на ветке у самолета большую, красивую птицу. Та сидела, флегматично поглядывая вниз. Богданов поставил котелок, достал из кобуры «ТТ» и, осторожно ступая, подошел ближе. Птица повернула голову, глянула на человека черным, блестящим глазом, но не пошевелилась.

Богданов выстрелил. Птица, как ни в чем не бывало, осталась на ветке. «Не пуганые совсем!» – подумал Богданов, прицеливаясь. В этот раз он попал. Птица камнем упала в траву. Богданов подбежал, схватил за теплые ноги и отнес к самолету.

– Тетерев! – тихо сказала Лисикова. – Прилетел и смотрит. Боялась спугнуть.

– Любопытный попался! – согласился Богданов и принес котелок. Она жадно попила, затем плеснула в ладошку и протерла лицо. Выглядела Лисикова неважно. Богданов вытащил из бортичка плитку шоколада.

– Съешь! Когда еще тетерев поспеет!

Пока она ела, Богданов натащил хворосту, чиркнув спичкой, поджег его от сухой ветки. Нарезав ореховых прутьев, соорудил над костром очаг. Вода в котелке вскипела скоро. Лисикова ошпарила тушку тетерева.

– Так легче щипать! – пояснила.

Богданов не стал спорить, достал из гаргрота брезентовое ведро и принес воды. Пока Лисикова занималась птицей, он осмотрел По-2. К его удивлению, повреждений у самолета оказалось мало. Несколько пробоин в фюзеляже и плоскостях от осколков и пуль – все! Пуля «эрликона» пробила днище его кабины как раз между ног, но пилота не задела. Хорошо, он не склонился в этот момент к приборному щитку... Под капотом двигателя и на цилиндрах

повреждений не было. «Почему заглох мотор? – подумал Богданов, забираясь на крыло. Он внимательно исследовал свою кабину, затем – штурмана. Кран бензопровода в кабине штурмана был перекрыт. Стараясь не спугнуть радость, Богданов открыл его, достал из гаргрота шприц (тому, кто летает к партизанам, без него никак), отсосал бензин из бака и залил в карбюратор. Затем, стоя на крыле, раскрутил магнето, и, пока маховичок вращался, спрыгнул на землю и провернул винт. Мотор чихнул и заревел, выстреливая выхлопные газы из патрубков. Богданов заскочил в кабину, посидел, наслаждаясь мощным звуком двигателя, затем выключил и спрыгнул на траву.

– Лисикова! – спросил, стараясь придать лицу суровость. – Ты зачем бензокран перекрыла?

Она смотрела на него испуганно. Богданов едва не засмеялся. Такое случается и у опытных пилотов – стоит неловко повернуться в кабине. А ее ранили... Богданов улыбнулся и махнул рукой. Она ответила несмелой улыбкой.

«Полетим!» – с ликованием подумал Богданов, но внезапно нахмурился. Для взлета самолет надо вытащить из леса. Машина, конечно, легкая, но не настолько, чтобы справиться в одиночку. Будь Лисикова в порядке, они все равно не смогли бы. Еще бы пару мужиков...

Богданов закрутил потуже ветрянки на бомбах. С этого следовало начинать. Для облегчения самолета бомбы лучше снять, но Богданов решил, что с этим успеется. Подсел к костру и стал смотреть, как Лисикова жарит мясо. Штурман растопила в крышке котелка срезанный с тушки жир, затем бросила туда мелко порубленные куски грудки и сейчас мешала их ложкой – той самой, которой ковырялись в ее ране. Соли не было, но птица оказалась вкусной: мясо так и таяло во рту. Они цепляли прожаренные кусочки твердыми галетами и пихали в рот, поочередно запивая кипятком из котелка. Завтрак получился сытным. Хлебнув в последний раз из котелка, Богданов встал и поправил ремень.

– Надо поискать людей! Самолет вытащить.

Лисикова ответила пристальным взглядом.

«Бойтся, что брошу!» – догадался Богданов.

– Я ненадолго! – сказал успокаивающе. – Сторожи самолет!

– Помогите мне! – попросила она.

Он отнес ее к опушке, в очередной раз подивившись предусмотрительности штурмана. Даже после завтрака Лисикова весила мало; он легко снес бы двоих таких. Следом Богданов притащил парашют и «ДТ». Не поленился, вырезал ей палку – ковылять в одиночку. Пробираться через лес не имело смысла – неизвестно, где он кончается, и Богданов спустился к реке. Вода лениво катилась вдоль заросших осокой берегов. Лезть в холодную воду не слишком хотелось, и Богданов прошелся берегом. Сначала он заметил мель, а затем, приглядевшись, понял, что та тянется до противоположного берега. Брод. На всякий случай Богданов стащил сапоги, комбинезон и шаровары, и, оставшись в трусах и гимнастерке, перебрел на другой берег. Вода здесь не достигала колена. Одевшись, Богданов оглянулся. Лисикова сидела на парашюте, «ДТ» примостился рядом. Богданов махнул ей рукой и стал подниматься на высокий берег. «Только б не напороться на немцев! – подумал он, вынимая из кобуры и засовывая за пояс «ТТ». – Мужиков уговорю. Отдам им бортпайки, спирт, в крайнем случае, – нож. Если что, пригрожу пистолетом. Никуда не денутся, придут...»

Повеселев от этой мысли, Богданов пошел к недалеким деревьям, окаймлявшим луг.

2

Мать Ани была неграмотной. Вернувшись с работы и застав дочку за учебниками, она садилась в сторонке и с почтением наблюдала, как маленькая школьница выводит в тетради непонятные крючки. Аня пыталась научить мать грамоте, но не получилось. Мать путала буквы, ее заскорузлые пальцы неумело держали ручку, к тому же отвлекали дела: работа на фабрике, стирка, уборка, готовка... А вот считала мать хорошо – приходилось. Жили бедно: отец бросил семью, когда Аня была маленькой. На фабрике резинотехнических изделий, где работала мать, платили мало.

В коммунальной квартире, кроме Ани и матери, обитало двадцать семь семей. В квартире имелась одна ванная и один туалет, а также огромная кухня, где у каждой семьи был свой столик. Жили весело: бегали по широкому коридору дети, в кухне стоял чад от примусов и пригоревшей еды, сплетничали соседки и выпивали мужики. На кухне сообщали последние новости, жаловались на жизнь и просили займы. Коммуналка жила дружно. Мать Ани работала в две смены, и пока Аня не подросла, ее опекали соседки: варили еду, кормили, отгоняли приставучих мальчишек. Маленькую Анечку привечала тетя Соня, жена инженера. У них с мужем была большая и богато обставленная комната, а вот детей не имелось. Тетя Соня занималась с Аней немецким языком, давала читать книжки и угощала ирисками. Ириски липли к зубам и тянулись во рту, но все равно были такими вкусными! Тетя Соня любила ириски, а купив кулек, звала Аню. Они пили чай с конфетами, болтая о всякой всячине. Муж тети Сони приходил с работы поздно, к тому времени Аня спала и с ним не разговаривала. Она немного побаивалась этого сурового и малоразговорчивого мужчину. Инженера звали Гершель Мордухович. Он никогда не ел на общей кухне, а только в своей комнате, не пил водки, не курил и не приставал к соседкам. В коммуналке его уважали, но не любили. Зато с тетей Соней дружили: она была приветливой и доброй, у нее всегда можно было занять денег или одолжить тарелки, рюмки или стул.

Аня училась в пятом классе, когда инженера арестовали. За ним пришли ночью, Аня спала и ничего не слышала. Соседки шептались, что Гершель Мордухович – шпион, ездил на стажировку в Германию, и там его завербовали. Инженера не жалели, но жене сочувствовали. Тетя Соня ходила с заплаканными глазами, носила передачи, а спустя две недели приехали и за ней... В бывшей комнате инженера поселился лейтенант НКВД. Домой он приходил только ночевать, да и то не всегда, жильцы видели его редко и в его присутствии разговоров не вели.

В школе Ане рассказывали о врагах народа. В учебниках она закрашивала чернилами портреты маршалов и руководителей государства, на поверку оказавшихся шпионами и предателями. Враги были везде. Они портили машины и оборудование, готовили взрывы плотин, убили Кирова и пролетарского писателя Горького, покушались на жизнь товарища Сталина. Напуганная такими разговорами, Аня как-то подумала, что и мама может оказаться шпионом. Однако, поразмыслив, решила, что нет. Про шпионов говорили, что они хитрые, умные, знают иностранные языки. Мать никаких языков не знала – она даже читать не умела.

Несмотря на происки врагов, жилось весело. В школе и дома шумно отмечали революционные праздники, много пели и танцевали. Страна ударно строила социализм: возводила плотины и заводы, прокладывала железные дороги, осваивала Северный ледовитый океан и трансатлантические воздушные трассы. Имена летчиков-героев были у всех на устах. Не только мужчин, но и женщин: Валентины Гризодубовой, Марины Расковой, Полины Осипенко... Ане хотелось походить на них. Она старательно училась и участвовала в общественной жизни. Ее приняли в пионеры, затем – в комсомол. У молодой счастливой страны имелись не только внутренние враги, но и внешние. Внешних было много, и страна крепила обороноспособ-

ность. Комсомол призвал молодежь учиться летать, и Аня охотно откликнулась. В аэроклуб ее, однако, не приняли.

– Маленькая ты, – сказал инструктор ласково. – Подрасти!

– Мне шестнадцать! – возразила Аня.

– Не про годы – про рост говорю, – пояснил инструктор. – Трудно будет педали достать.

– Достану! – упрямо сказала Аня. – Вы не смотрите на рост. Я нормы ГТО лучше всех в классе сдала, «Ворошиловский стрелок»...

– Все равно не годишься! – сказал инструктор.

Аня пожаловалась в райком комсомола – она росла девочкой настырной.

– Может, и в самом деле не стоит? – засомневался первый секретарь. – Стране не только летчики нужны. Заканчивай школу, поступай в институт. А?

– Я товарищу Сталину напишу! – пообещала Аня.

Секретарь тут же позвонил в аэроклуб, и Аню приняли. Она оказалась единственной девушкой в группе. Мальчишки смотрели на нее снисходительно, но Ане было не привыкать. Она старательно изучала материальную часть и наставления по полетам, поэтому к практике приступила одной из первых. Инструктор вывез ее несколько раз в зону и доверил самостоятельный полет. Аня почти не волновалась. Она летела на надежном советском самолете, наставления знала назубок, а пилотировать ее научили. У-2 легко оторвался от земли и набрал высоту. Сердце в груди Ани радостно стучало в такт тархтению двигателя. Ей хотелось закричать: «Смотрите! Я лечу! Сама! А вы не верили...» Она сумела сдержать порыв и аккуратно прошла по намеченному маршруту. Села мягко и подкатила к ангару. Инструктор первым подбежал к застывшему самолету и ласково снял Аню с крыла.

– Вот как надо летать! – сказал обступившим курсантам. – Учитесь! Повеяли дьяволами, а на посадке козлите!..

Аэроклуб требовал много времени, Аня перевелась в вечернюю школу. Аттестат зрелости и удостоверение пилота она получила одновременно. А назавтра случилась война...

Как тысячи ее сверстников, Аня кинулась в военкомат. Она боялась, что война закончится, обойдутся без нее. Никто не сомневался, что фашистов разобьют, спорили только о сроках: месяц или два. В военкомате Аню и других семнадцатилетних отправили по домам – подрастите. В летное училище ее тоже не взяли, и Аня, к великой радости матери, поступила в Московский университет – учиться на историка. Слушать лекции пришлось недолго. В сентябре ее и других комсомольцев отправили рыть окопы: сначала в Брянскую, затем – в Орловскую область. Они рыли, а мимо проходили отступающие части. Студентки удивлялись, почему армия отступает, а красноармейцы – зачем они роют? Однажды девушек собрал старший отряда и велел отправляться на ближайшую железнодорожную станцию. До нее было пятьдесят километров, но старший дал понять: немцы близко. Студентки собрались и пошли. Эту дорогу Аня много позже вспоминала с содроганием. Девушки шатались и падали от изнеможения (не все, в конечном итоге, дошли), другие, стиснув зубы, брели и брели. К своему удивлению, Аня – самая маленькая и худенькая в отряде – добралась первой. Упала она у станции, прямо на холодную землю. Лежала долго и простудилась. По приезде в Москву у нее поднялась температура, стал бить кашель. В больнице определили воспаление легких. Аня болела долго и тяжело, поэтому не откликнулась на призыв Марины Расковой вступить в женские авиаполки. Она и узнала об этом только по выздоровлении. Время было упущено. В военкомате было не до нее – немцы стояли под Москвой. Аня провела в столице холодную зиму 1941–1942 годов, а весной пошла в военкомат. Теперь на законных основаниях: ей исполнилось восемнадцать. Военком сдался, и Ане выписали повестку. Она показала бумагу матери, пояснив, что мобилизуют; мать поплакала, но смирилась – деваться-то некуда. О том, что дочь – доброволец, мать так и не узнала.

Аню отправили в чувашский город Алатырь, в запасной авиационный полк. Там определили в штурманы У-2. Учили ориентироваться в ночных полетах, бомбить, прицеливаясь по кромке крыла, стрелять из пулемета. У Ани получалось хорошо, курс обучения прошел быстро. Наступило томительное ожидание. В полк приезжали «купцы» с фронта, отбирали летчиков и штурманов, но Аню не замечали. Жизнь в запасном полку была тоскливой, кормили скудно. А самое главное – Аня ощущала себя ненужной. Она сделала все, чтоб защитить Родину, а Родина этого не заметила. Аня написала письмо товарищу Бершанской, командиру единственного на фронте женского авиаполка. Полк летал на У-2. Ей ответили: желающих служить много, просьбу постараются учесть. Аня поняла: ждать придется долго. Заместитель командира запасного полка, к которому она обратилась, сказал так:

– Хочешь на фронт – иди в оружейницы! Их не хватает. Главное – в полк попасть! А там... Война: летчики гибнут, штурманы гибнут... Найдется место!

Аня написала рапорт и переучилась на оружейницу. Ее направили в полк ночных бомбардировщиков. Аня чистила пулеметы, набивала диски и пулеметные ленты, помогала подвешивать бомбы и ждала своего часа. Он наступил, когда у лейтенанта Богданова погиб штурман...

В представлении Ани фронт был местом, где сильные духом и чистые сердцем люди сражаются с лютым врагом. Так писали в газетах и говорили по радио. В полку пришло прозрение. Нет, летчики сражались отважно. Экипажи делали по несколько вылетов за ночь, возвращались на пробитых пулями и осколками самолетах, нередко – ранеными. Случалось, и не возвращались... Не нравилось Ане другое. Кроме летчиков и штурманов, которые, конечно же, были героями, в полку служило много разных, очень разных людей. Официантки столовой поголовно спали с офицерами, причем даже с командиром полка! И не только официантки. Если Аня рвалась на фронт, то кое-кто мечтал двинуться в противоположном направлении. Женщинам это удавалось легко – через беременность. Беременных немедленно отправляли домой. В свободные часы девушки-оружейницы обсуждали такую возможность. Просто забеременеть никто не хотел – желали выйти замуж. Девушки считали, что это единственная возможность создать семью. После войны мужчин будет мало, а на фронтовичке никто не женится. В тылу прекрасно осведомлены о походно-полевых женах и каждую женщину в форме считают ППЖ. Мечтой девчат было выйти за летчика или штурмана. Тем хорошо платят. Помимо оклада, добавляют за каждый боевой вылет, а вылетов бывает по пять за ночь. Сержант-штурман получает больше командира полка. Уехать домой с денежным аттестатом такого мужа – не знать нужды. Конечно, муж может погибнуть, но летчики гибнут реже, чем пехотинцы.

Эти разговоры Ане не нравились, вызывали омерзение. Оружейницы над ней смеялись. Аню дружно считали дурнушкой: маленькая, худая, бледная. Кто ее возьмет? Есть ведь круглолицые, полногрудые, с толстыми икрами и мощными бедрами. Аня не обижалась. В школе она носила записки мальчикам от красавиц-подруг, одновременно их презирая. Красивая мордашка парня – не причина умирать от чувств. Книги советских писателей-орденоносцев разъясняли, что такое любовь. Должно присутствовать духовное родство и единые взгляды на будущее. Только так можно создать крепкую советскую семью. Половая распущенность ведет к духовному опустошению и краху семьи, учили писатели.

К удивлению оружейниц, у Ани появился кавалер. Сержант (как и Аня) Михаил Вашуркин был техником. На аэродроме и познакомились. Миша был невысок и худощав, не сказать, чтоб красавец, но девчатам нравился. Он был добрым и не жадным. Пилоты любили умелого и безотказного техника. Они делились с ним папиросами и сахаром, могли и водки налить. Сахар Миша отдавал девушкам, водку выпивал сам. Угощал девчат папиросами (на фронте женщины стали курить). Случалось, пилоты привозили Мише трофеи. После того, как Вашуркин сделал Ане предложение, он, краснея, вручил ей пакет, где оказалось женское шелковое белье. Аня спросила: откуда, но Миша застеснялся и не ответил. Аня решила, что привез кто-

то из летчиков. Подарок был нескромным, но Ане понравился. Белье было красивым, а Миша – почти муж.

Откровенно говоря, ей не хотелось замуж. Миша ей нравился, но беременеть от него... Девчата растолковали Ане, какая она дура, и просветили, как избежать беременности. Уговорили...

Мише не довелось увидеть подарок на теле любимой. Даже рапорт о женитьбе не успел написать. Однажды он снарядил к вылету закрепленный за ним самолет. Это был По-2 лидера группы, под крыльями висели САБы. Миша отвернул ветрянки на световых бомбах ровно на пол-оборота, как предписано инструкцией. На его беду, пришел инженер полка (вылет намечался ответственный) и, в свою очередь, отвернул ветрянки. Третьим приложил руку штурман. Одна ветрянка слетела. Будь это обычная бомба, ничего бы не произошло. Но на САБах стоят взрыватели с замедлением, они срабатывают через десять секунд. Бомба вспыхнула, фанерный самолетик охватило пламенем. Техники бросились врассыпную. По-2 стояли близко друг к другу, поэтому стали загораться один за другим. Огонь уничтожил десять самолетов. Такое ЧП не могло остаться без последствий, и виновным определили Мишу. Трибунал присудил его к штрафным ротам, Мишу увезли под конвоем, и он пропал...

Аня плакала, хотела обратиться к командиру полка, но девчонки отговорили. Мише помочь было нельзя.

Аня по-прежнему хотела летать. Она подала рапорт по команде (уже не первый), и тут пропавший без вести Богданов вернулся в полк.

Лейтенанта Богданова в полку любили и мужчины, и женщины. Женщины, понятное дело, по-своему. Лейтенант не выглядел сладким красавцем. Широкий шрам от ожога на левой скуле, обожженные руки – обычное дело у летчиков. Шрам, однако, лейтенанта не портил, скорее наоборот. Женские сердца трепетали при виде мужественного летчика. О храбрости Богданова ходили легенды. Лейтенант воевал с первых дней войны, на его счету шестьсот боевых вылетов, грудь украшают три «боевика» (ордена Боевого Красного Знамени) и медаль «За отвагу». О Богданове регулярно писала фронтовая газета, даже «Красная звезда» напечатала заметку. Опыт летчика-снайпера приезжали перенимать из других полков. При всей славе, лейтенант не задирает нос. Дружил с механиками, был ласков с оружейницами. В полку передавали из уст в уста истории о похождениях летчика. Как-то Богданов, подбитый зенитками, приземлился за передним краем в расположении наших войск. Пехотинцы встретили радушно, но накормить смогли только черными сухарями – другой еды не имели. Богданов позвонил в полк, доложил о вынужденной посадке и попросил прислать бортпайков. Кому-кому, а ему не отказали – сбросили с самолета мешки. В полк Богданова привезли через три дня, на специально отряженной машине, пьяного до изумления. Пехота, получив от летчиков невиданную еду (в бортпайках был шоколад, галеты и американская тушенка), не хотела лейтенанта отпускать...

Когда линия фронта покатила на Запад, полк стал менять аэродромы. По-2 не летает на дальние расстояния, особенно в короткие летние ночи. Крейсерская скорость – сто километров в час, пока доползешь... Выбирать площадки для аэродромов подскока посылали самого опытного, то есть Богданова. Как-то он сел близ освобожденной деревни. Местные позвали обедать. Угощение оказалось богатым, даже самогонка присутствовала. Хозяйка, пока гости ели, пожаловалась: немцы забрали корову, дети без молока. Богданов достал из кармана пачку денег и вручил ошеломленной солдатке. Летчики не успели доесть, когда хозяйка привела во двор корову – купила у соседа. Многие пилоты и штурманы отсылали денежные аттестаты родным, а у Богданова близкие томились в оккупации, поэтому деньги получал сам. История с коровой мгновенно стала известной. Над Богдановым подтрунивали, как бы мимоходом интрузуясь «молочно-товарной фермой». Лейтенант в ответ смеялся.

Девушки полка мечтали о Богданове, Аня – нет. Уважая заслуги пилота, Аня осуждала его распущенность. Богданов крутил любовь с официантками – нагло и у всех на виду. С офи-

циантками спали и другие офицеры, но те хоть таились. Поскольку официантки одна за другой беременели, вместо них присылали других. Так в полку появилась Клава. Высокая, полногрудая, румянощекая – настоящая красавица. Филимонов на тот момент имел любовницу, и Клава досталась штурману полка. Капитан был женат, но Клаву это не смутило. Богданова в полку не было – залечивал раны. Вернувшись, лейтенант отбил красавицу в первый же день. Штурман полка чуть с ума не сошел: бегал за летчиком с пистолетом, грозил застрелить. Филимонову страсти не понравились – не хватало ЧП в полку! – и ревнивца перевели в дивизию. Капитан не проявил себя в должности – Богданов был нужнее.

Полк, затаив дыхание, следил за романом; по отбытии ревнивца вздохнул с облегчением. Девушки переживали за пилота, Клаву осуждали. Аня видела, что подружки завидуют: многие желали занять место официантки. Аня не понимала: как Богданов живет с распутницей? Ведь знал о капитане? Полюби Богданов нормальную девушку и женись на ней, Аня одобрила бы. Так нет же! Как можно спать с мужчиной до свадьбы! Покойный Миша не распускал рук и даже целовал ее в щечку, хотя Аня не возражала, чтоб и в губы. А тут... Красный командир! Комсомолец! Срам!

Однако летать с Богданов Ане хотелось, и он взял ее в экипаж! У Ани будто крылья выросли. Она поделилась радостью с механиком.

– Он-то, конечно, герой, – согласился Тимофей Иванович, – только много дырок в плоскостях привозит. Целыми днями летаю. Другие самолеты целые.

– Командир звена должен быть там, где опасно! – возразила Аня.

– Ага! – согласился механик. – И пить должен больше всех, и баб у начальников отбивать. С начала войны на фронте, а все лейтенант. Другой бы эскадрилей командовал, а то и полком...

Тимофей Иванович еще на что-то жаловался, но Аня не слушала. В полку знали, что механик к своему пилоту милее как к сыну, а отцы, как известно, любят поворчать...

Следующий разговор состоялся с Гайворонским. Капитан неожиданно вызвал Аню и спросил:

– Ты комсомолка?

– Да! – ответила Аня.

– Задание тебе, ответственное! – поднял палец особист. – Будешь присматривать за Богдановым. При попытке перелететь к немцам застрели! Самолет приведешь сама...

– Товарищ капитан! – изумилась Аня. – Лейтенант Богданов – герой!

– Герои, по-твоему, не изменяют Родине? – возмутился Гайворонский. – Что ты знаешь, сержант? Вспомни генерала Власова! Родина для него все сделала: дала образование, доверила высокую должность, награждала орденами... А он? Сдал армию немцам! Почему? Морально разложившийся человек! Пьянствовал беспробудно; будучи женатым, завел любовницу. Богданов по той же дорожке катится...

«Богданов не женат!» – хотела возразить Аня, но промолчала. В чем-то Гайворонский был прав.

– После полетов станешь приходить и рассказывать, как себя вел! – распорядился особист. – Свободна!

Разговор с капитаном удручил Аню. Радость разом померкла. Она не представляла, как сможет выстрелить в Богданова. А если лейтенант изменит? Такое невозможно представить, но Власов-то смог! И не он один... Богданов морально не стоек – от него можно ждать. Подумав, Аня решила: выстрелить сможет. Сначала, конечно, пригрозит пистолетом, а в случае неподчинения... Только самолет на аэродром не поведет. Направит его на какой-нибудь фашистский объект – склад или блиндаж, лучше всего – на танк. Нельзя ей возвращаться домой с мертвым Богдановым – не простят. Лучше погибнуть вместе. Богданов останется героем, она будет рядом. В могиле. Скажут о них добрые слова...

Аня всплакнула, представив церемонию, но быстро успокоилась. Собираясь в первый боевой вылет, надела подаренное Мишей белье. Если погибать, так в новом и чистом. Надо отомстить за смерть жениха! Штрафную роту Мише присудили свои, но убили-то немцы! Мишин подарок на теле как бы нес возмездие.

Первые боевые вылеты прошли без происшествий, но привычка надевать в полет подарок осталась. Теперь Мишино белье защищало Аню. Им везло: самолет возвращался целехоньким. Тимофей Иванович удивлялся и благодарил Аню. Техник почему-то решил: штурман благотворно влияет на пилота. На самом деле, как понимала Аня, везение заключалось в умелой тактике и правильном расчете. Богданов был ас, теперь Аня понимала это лучше, чем прежде. Ну и она бомбила метко, без дополнительных заходов на цель... Ане нравилось быть штурманом, ее давнишняя мечта исполнилась. Пусть она всего лишь сержант, но обедает вместе с летчиками, сидит за столом, покрытым скатертью, еду приносят официантки. Та же Клава... Ане даже фронтовые сто граммов наливают; правда, она не пьет – отдает пилотам. Летчики и штурманы ее уважают – не за водку, конечно, а за то, что дерется с врагом. Ей платят за каждый боевой вылет. Денежный аттестат Аня отослала матери давно, но теперь была счастлива, что помогает больше. В редких письмах, которые писали соседские дети по просьбе матери, сообщалось об ужасной дороговизне в Москве.

К Гайворонскому Аня ходила с удовольствием. Подозрения особиста не оправдывались, чему Аня радовалась. Капитан ее чувств не разделял. Хмурился и наказывал смотреть внимательнее. Только однажды особист оживился: Аня рассказала о выражах над оккупированным городом.

- Почему Богданов крыльями качал, как думаешь? – спросил Гайворонский.
- От радости! Цель накрыли с первого захода! Баржа загорелась, затем причал...
- Свободна! – прервал капитан...

Когда Богданов обругал ее у столовой, Аня испугалась. В его глазах было столько ненависти! Она словно увидела себя со стороны: маленькую, жалкую стукачку... Аня не пыталась оправдаться. Какая разница, что ей приказали, а она выполняла? Пилот хочет иметь за спиной боевого товарища, а не доносчика. Ей следовало сразу рассказать Богданову о Гайворонском. Но она боялась: лейтенант не захочет с ней летать. Все равно узнал и летать отказался. Другие пилоты тоже откажутся: она как прокаженная...

Аня проплакала весь день и на аэродром шла, как на казнь. Думала: отправят обратно! Этого не случилось. Аня встала в строй, выслушала боевой приказ и заняла место в кабине. Богданов в ее сторону не смотрел. Аня поняла: казнь последует, но позже. Ей внезапно захотелось, чтобы Богданов из этого вылета привез ее мертвой, как предшественников. Тогда о проступке забудут и даже скажут добрые слова – о мертвых не говорят плохо.

Самолет взлетел, Аня переключилась на работу. Полет протекал штатно, но Аню томило предчувствие. Оно сбылось. Когда осколок впился ей в ногу, Аня потеряла сознание. Очнувшись, запаниковала. Ей показалось, что Богданов убит, самолет падает, надо немедленно прыгать с парашютом. Она засуетилась, задергалась, пытаясь вылезти на крыло, и только тогда заметила: пилот жив, По-2 набирает высоту. (Наверное, в те мгновения она и задела кран бензопровода.) Жгучий стыд объял Аню, она растерялась настолько, что не сориентировалась на местности. Как теперь выбираться? Когда По-2 приземлился, Аня уткнулась лицом в приборную панель. Ждала: сейчас Богданов выскочит на крыло и скажет: «Ты не только доносчица, но и трусиха!» Однако он просто ушел. Аня расплакалась, подумав, что ее бросили. Богданов вернулся, перевязал ее, а утром стал лечить. Когда он ковырял в ране ножом, Аня едва не умерла от боли. Но крик сдержала. Это было ей наказанием. После операции боль утихла. Не совсем, конечно, но больше не дергала волнами. Накатила слабость, но Богданов накормил ее шоколадом, а перед завтраком влил спирта из фляги. Стало почти хорошо. Если б знать, что дальше?

Из коротких обмолвок пилота Аня поняла, что сели они вдалеке от линии фронта. На своей или чужой территории – не ясно. К счастью, самолет исправен и взлететь труда не составит. У По-2 стартовый пробег короче посадочного, а если снять бомбы... В воздухе они ориентируются. Взлетать придется вечером, днем По-2 – легкая мишень. Надо вытащить самолет на луг, Богданов приведет людей...

Аня не сомневалась: у лейтенанта получится. Не в таких переделках бывал! Как они вывезли Тихонова! Немцы бежали к ним, стреляя из винтовок и автоматов, но Богданов хладнокровно перенес раненых в свой самолет, высадив ее на крыло. Он действовал настолько уверенно, что Аня не испугалась. Она стояла, уцепившись за стойки, открытая потокам набегающего воздуха, но Богданов был рядом, стоило протянуть руку. Он ободрял ее, просил потерпеть – лететь недалеко, так и вышло. Страх пришел, когда По-2 катился по аэродрому. Только тогда Аня представила, что могло случиться. Но лейтенант снимал ее с крыла, в столовой заставил выпить фронтовые сто граммов, и страх прошел. Как и сейчас.

Солнце припекало. Аня стащила летный комбинезон. Поморщившись от боли в раненой ноге, расстелила его на траве, улеглась сверху. Сапоги тоже сбросила. Неплохо было бы раздеться до трусиков, но ее не для того здесь оставили. Аня внезапно подумала: Богданов видел ее почти голую, и запоздало смутилась. Поразмыслив, решила, что ничего страшного не произошло. Во-первых, он ее лечил, а врачи у женщин и не туда заглядывают. Во-вторых, смотрел на нее не так, как на Клаву. Эти взгляды Аня хорошо помнила. Клава обслуживала их столик и шла к ним, широко улыбаясь. Глаза у лейтенанта сразу становились влажными, будто их маслом помазали... Тьфу!

«Может, не станет прогонять? – с надеждой подумала Аня. – Он горячий: вспыхивает, но быстро отходит. Вернемся – объясню, что Гайворонский приказал. Попрошу прощения. Расскажу всю правду...»

Аня подумала: по возвращении в полк ее отправят в госпиталь. Пока будет лечиться, ее место займут – Богданову летать надо, ждать не будет. После госпиталя Аню сделают запасным штурманом, а то и вовсе вернут в оружейницы. Надо постараться, чтоб оставили в полку, как Тихонова; будет на глазах – не прогонят. Аня долго размышляла, как это лучше сделать, но ничего не придумала. Если б лейтенант за нее попросил... С какой стати? Кто она ему? Еще вчера гнал из экипажа!

Аня расстроилась, затем рассердилась, в припадке злости занялась маскировкой. Не своей – огневой позиции. Ковыляя, натащила из лесу веток, замаскировала парашют, превратив его в бруствер, пристроила на сошках «ДТ», определила сектор огневого поражения. Инструктор по стрелковой подготовке учил их на наглядном примере. Велел бойцу занять позицию для стрельбы лежа, отвел взвод метров на пятьдесят и приказал: «Глядите!» Они повернулись, но не смогли рассмотреть стрелка.

– Так и в бою! – сказал инструктор. – Когда немец бежит в атаку, то смотрит вперед. Вы – внизу, на земле, вас не видно. Поэтому не паникуйте! Не спешите стрелять, подпустите ближе. Лежа попасть легче, а внезапный огонь ошеломляет.

Инструктор был из фронтовиков, с боевой медалью на груди. Ходил с палочкой. Его уважали...

Далекий, неясный звук прервал воспоминания Ани. Она прислушалась. Звук приближался, Аня поняла – топот копыт. Кто-то за рекой скакал, и этот «кто-то» был не один. Топот нарастал, Аня прикинула к пулемету. На том берегу показался человек. Он бежал изо всех сил. Синий летный комбинезон... Богданов! Легчик скатился к воде, влетел в реку и побежал на эту сторону, вздымая столбы брызг. Следом на берегу показались всадники. Много всадников...

3

Миновав брод и взобравшись на противоположный берег, Богданов присвистнул. Перед ним лежал луг – плоский и широкий. Случись им приземлиться здесь, взлетели бы без труда. Тут и Пе-2 вырулит! Нет же, в лес занесло!

Луг был скошен, и лейтенант обрадовался: неподалеку жили люди. Богданов пошел поперек, рассчитывая обнаружить дорогу или тропинку (сено-то вывозить надо!), и оказался прав: набрел на тропу. Узкая (телега не проедет!) она тянулась параллельно берегу, теряясь в обступавших луг зарослях. Лейтенант прошел полсотни шагов, разглядывая тропу, и обнаружил, что она стала чуть шире, а земля – утоптанней. Двигаться следовало в этом направлении. Если тропа одинакова на всем протяжении, она связывает две деревни: люди ходят туда и обратно. Если постепенно сужается и все более порастает травой – деревня одна. Свозить сено начинают с ближнего конца, поэтому и тропа здесь шире...

Богданов родился и вырос в городе, но в детстве мать отправляла его деревню – подкормиться. В двадцатых годах в городах было голодно. В деревне жили родственники, дальние. Маленького Андрейку принимали как своего. Богданов там и сено косил, и коров пас, и коней гонял в ночное... Отец Богданова умер молодым, мать вышла замуж повторно. Отчим попался хороший: растил Андрея, как родного. Когда Богданову стукнуло семнадцать, умерла мать. Андрей, как многие сверстники, мечтал о небе, но вмешался отчим. Мать хотела видеть его врачом, напомнил отчим. Андрей поехал в Москву и, к своему удивлению, поступил в медицинский институт. Учиться было весело. Андрей ходил в аэроклуб, занимался боксом, лучше всех бегал на лыжах. Добегался... Когда началась финская война, Андрея вызвали в комитет комсомола и сообщили: из студентов формируется лыжный батальон. Кому в голову пришла такая «светлая» идея, Богданов не узнал. В армии Андрея и троих однокурсников оставили в медсанбате, остальных бросили на доты. Полегли почти все. Кого не убили – замерз в открытом поле...

Демобилизовавшись, Богданов сдал экзамены за третий курс, но его вновь вызвали... В комитете комсомола сказали: стране нужны летчики. Андрей пытался возражать: он без пяти минут врач, но его не слушали. Богданов стал курсантом летного училища, изучал И-16. Однако повоевать истребителем не пришлось. Началась война. Немцы пожгли самолеты на аэродромах, пилоты большей частью уцелели. Острая надобность в летчиках-истребителях отпала, и Богданова переучили на Ил-2. Однако самолетов-штурмовиков не хватало, в достатке имелись только У-2. Богданов стал ночным бомбардировщиком. Переучиваться не пришлось – с У-2 все начинают. Инструкторы из гражданского флота показали, как ориентироваться ночью, и в октябре сорок первого Богданов вылетел на фронт.

Деревенская закалка помогла Богданову уцелеть в немецком тылу. Он знал, чем живет деревня, умел разговаривать с людьми и по мельчайшим приметам замечал, есть ли поблизости враг. Во время полетов к партизанам его, случалось, заносило на подставные аэродромы. Немцы узнавали о прилете русских самолетов и зажигали костры неподалеку от партизанских. Богданов снижался, шел на бреющем, едва не касаясь колесами земли, зорко поглядывая по сторонам. Немцы, решив, что он садится, со всех ног неслись к самолету. Партизаны вслед У-2 не бегали, сторожились провокаций – сесть мог и немец. Увидав бегущих, Богданов резко набирал высоту и не отказывал себе в удовольствии прочесать фальшивый аэродром из «шкаса» или сбросить осколочные бомбы.

Шагая по тропе, Богданов зорко посматривал по сторонам. По всему выходило: немцы здесь не хаживали. На тропе не было следов шин (у колхозников велосипедов и до войны не водилось!), в лесу не встречались вырубки, даже сосны стояли не подсоченные. Сбор живицы на оккупированных землях немцы налаживают мигом – умеют грабить. Сам лес выглядел диким: огромные, переспевшие сосны, гниющие стволы упавших деревьев, не тронутые чело-

веком грибы, трухлявые и молодые. «Занесло в глушь!» – подумал Богданов. Он слышал, что в полосе их фронта, за болотами, встречаются островки первозданной природы. Там ни советской власти, ни немцев... Однако люди здесь обитали, и Богданов ускорил шаг.

Скоро лес расступился, перед Богдановым оказалась поляна, а на ней – деревня из пяти изб. Выглядела деревня странно – летчик не сразу сообразил, почему. Приглядевшись, догадался: у изб не было труб! Дым выходил прямо через камышовые кровли, собираясь над домами сизыми облаками. «По-черному топят! – догадался Богданов. – Это не глушь – каменный век!» Удивительно, но дома были свежесрубленными, недавно ошкуренные бревна отсвечивали медовыми боками. Однако рубили дома наспех – низкие, с неровными углами и стенами. Вместо окон какие-то бойницы.

Богданов покачал головой и притаился за кустами. В деревне было спокойно: ходили женщины, перед домами играли дети, кто-то, работая, заунывно пел. Немцев в деревне нет – иначе матери не выпустят детей из дома. Полицейская засада детей специально выгонит, но женщины в таких случаях ведут себя спокойно: озираются, стараются держать детей ближе. Ничего подобного не наблюдалась.

Богданов поправил ремни и собрался выйти из леса, как вдруг в стороне раздался крик: – Кметы! Кметы!

Деревню будто взорвало. Из домов выскакивали люди, матери хватали детей, и все бежали в сторону леса, один за другим исчезая в чаще. Богданов опомниться не успел, как деревня опустела. В отдалении послышался топот копыт, на поляну вылетел десяток всадников.

Богданов протер глаза. Всадники не походили ни на одно известное ему формирование. Немцы носят форму мышинового цвета, полицаи – черного, партизаны одеты с бору по сосенке: в невообразимое сочетание гражданской одежды с военной формой, причем как советской, так и вражеской. Эти всадники были в сапогах, светлых штанах и каких-то не то кафтанах, не то свитках синего цвета. Поверх свиток были надеты кольчуги (!) с короткими рукавами, на головах остроконечные стальные шлемы. У всех на боку имелись широкие сабли, но Богданов не заметил винтовки или автомата.

«Что за хреновина? – подумал лейтенант. – Националисты, что ли? Бандформирование?»

Когда фронт приблизился к Прибалтике, приезжий «смершевец» рассказал летчикам о пособниках фашистов на оккупированных территориях. Лекция была посвящена бдительности, «смершевца» слушали с интересом. Кто знает, с кем столкнешься на освобожденной территории или при посадке во вражеском тылу? Конные на поляне не подходили ни под одно описание. Кольчуги и шлемы... «Кино, что ли, снимают?» – подумал Богданов, но сразу отверг эту мысль. Не видно было кинокамеры, операторов и прочего народа, сопровождающего процесс создания киноленты. Мысль о кино была не случайной. В госпитале Богданов смотрел фильм «Александр Невский». Всадники на поляне были одеты и вооружены, как герои фильма. Только там у ратников были прямые мечи, здесь – сабли.

Тем временем один из всадников – по всему виду, старший, что-то прокричал, пятеро конников спешили и побежали к домам. Четверо вскоре вернулись, а пятый появился позже, толкая перед собой старика. Тот едва ковылял, опираясь на палку – потому и не убежал. Старший из всадников подъехал ближе и, склонившись с седла, о чем-то спросил задержанного. Старик покачал головой. Старший снова спросил. Старик вновь покачал головой и поднял руку, словно грозя. Его длинная седая борода свисала до пояса. Старший что-то велел воину, стоявшему рядом. Тот вытащил саблю и с короткого замаха рубанул старика по шее. Тот упал, как сноп.

«Твою мать!» – выругался Богданов и достал пистолет. Передернул затвор, загоня патрон в ствол. Стрелять он не собирался. У «ТТ» сильный бой – кольчугу пробьет, но попасть

в подвижную цель на таком удалении... Пистолет – не винтовка, рассчитан на ближнюю схватку. Вот к ней и следовало быть готовым.

Старший из всадников снова прокричал команду, пятеро воинов побежали в дома и вернулись с горящими пучками сена. Ткнули их под крыши. Через мгновение кровли занялись, выбрасывая огненные языки. Сомневаться не приходилось: фашисты. Партизаны, случается, скоры на расправу, особенно с предателями, но деревни они не жгут. Богданов пригнулся и нырнул в чащу. Они на оккупированной территории. Плохи дела.

Лейтенант пробирался лесом, стараясь не терять из виду тропу. Внезапно в отдалении раздался конский топот – вслед ему кто-то скакал. Богданов порскнул в сторону и затаился. Всадник мелькнул меж кустами и скрылся в лесу. Богданов на всякий случай взял правее, скатился в какую-то ложину, выбрался с противоположного края и сам не заметил, как потерял тропу. Некоторое время он блуждал, настороженно прислушиваясь. Ни топота, ни шагов. Богданов присел на поваленное дерево, достал из кармана коробку папирос, закурил. Найти людей, чтоб вытащить самолет, не получилось. Продолжать поиски опасно. Если банда фашистов рыщет в окрестностях, нарваться на нее проще простого. Найти кого из сбежавших жителей? Они напуганы, прячутся, при виде незнакомца будут убегать. Не стрелять же вслед? Задача...

Растоптав окурочку подошвой, Богданов сориентировался по солнцу и пошел напрямик. Река неподалеку, ее он не минет. А там бережком... Он перескакивал через поваленные деревья, продираясь сквозь подрост, то и дело влетая лицом паутину. Паутина была старой: с прилипшей иглицей и кусочками коры, и это успокаивало – здесь не ходили. Лес становился выше, заросли – все гуще, но Богданов пер, как танк. Обходить стороной некогда. Прежний опыт научил летчика: начнешь петлять – наверняка заблудишься. Лучше оставить клочки одежды на острых суках, но не терять время.

«Как там Лисикова?» – подумал Богданов, услышав невдалеке журчание воды. За штурмана он не опасался. Если фашисты найдут стоянку, у Лисиковой «ДТ». Срежет одной очередью. Но после боя надо уходить. Пропавших фашистов станут искать, наткнутся на трупы. Немцы – преследователи неважные, леса боятся, а вот полицаи вцепятся... В прошлый раз Богданов еле отбил, положив одного наповал. Трусоваты оказались прихвостни, не захотели гибнуть за «новый порядок». Если ноги в порядке, уйти не трудно, но с Лисиковой не победишь. Придется нести. Она-то не тяжелая, но через километр взвоешь. А если добавить пулемет и запасные диски... «Коня бы!» – подумал Богданов и немедля обругал себя. Трус, сиганул в кусты от одинокого всадника! Надо было стрелять – был бы конь! С конем и помощники не нужны. Зацепить стропами за костыль, и самолет как пушинку вытащит!..

Лес кончился внезапно. Богданов стоял на берегу высокого песчаного обрыва. Внизу бежал узкий ручеек. Натыкаясь на огромные валуны, он обтекал их либо падал вниз с веселым журчанием. Этот звук и слышал Богданов, пробираясь сквозь лес.

«Надо же, такой махонький, а овраг вырыл», – подумал Богданов, спускаясь по склону. Откос был крутой, приходилось притормаживать каблуками. Лейтенант не огорчился препятствию. Любой ручеек впадает в реку, а река здесь одна. Пройти по течению, а там сориентировавшись. Богданов уже наладился исполнять задуманное, как внезапно увидел пещеру – темный, круглый проем в песчаном склоне. От ручья к пещере вели ступеньки из круглых плоских камней – люди здесь обитали.

Богданов вытащил «ТТ» и стал подниматься. Перед входом в пещеру лежал плоский валун. Богданов ступил на него, заглянул внутрь. Пещера была маленькой – монашеская келейка. И обитатель келейки походил на монаха. Худой старик в черной рясе сидел за столом и что-то чертил на разостланном перед ним свитке. Перо в руках старика было гусиное!

Богданов сунул «ТТ» за пояс и ступил внутрь. Он заслони́л свет, и старик поднял голову. Несколько мгновений они рассматривали друг друга. Богданову было проще: свет падал из-за спины. Обитатель пещеры оказался не так уж и стар, если судить по моложавому, без морщин

лицу. Только борода у него была полностью белой, а волосы, выбивавшиеся из-под черной шапочки, вовсе пожелтели с концов. Молчание затягивалось.

– Здравствуй, отец! – начал Богданов, решив, что обращение «дедушка» может обидеть. – Прости, что побеспокоил.

– Не побеспокоил, раз вошел, – сказал хозяин звучным голосом. – Иначе не открылось бы. Давно прилетел?

– Ночью, – ответил Богданов растерянно – старик говорил странно.

– Как женщина твоя?

«Это он о ком? – удивился Богданов. – О Клаве? Так с ней все путем... Лисикова! – догадался лейтенант. – Если дед видел самолет, то и штурмана мог. Травы в лесу собирал – вон стенка ими завешена. Почему спрашивает, если знает? Притворяется, туман напускает? Наверное, знахарь местный – они любят».

– Осколок вытащил, ногу забинтовал, – сообщил Богданов, – но ходить не может.

– Возьми! – старик снял со стены какую-то травку, бросил на стол. – Пожуй и к ране приложи! Затянется. Твое тепло ей не нужно, но когда потребуется – не жалеи!

Богданов сунул травку за пазуху, поблагодарил. Старик с любопытством разглядывал гостя.

– Не таким Богдана представлял, – сказал задумчиво. – Дурости в тебе много. Может, и к лучшему...

– Отец! – перебил Богданов, чувствуя, что грядет нотация. Старикам только дай повод! – Мне б пару помощников или коня – самолет из лесу вытащить. Делов на пять минут! Я отблагодарю.

– Будут помощники, будут и кони! – сказал старик. – Давно поспешают. Только Жидята ближе.

– Какой Жидята?

– Ты видел его в веси. Сторожись!

– Не лыком шиты! – усмехнулся лейтенант.

– Неужели? – старик придвинул к нему свиток. – Прочти!

Богданов наклонился. Свиток был испещрен неровно набросанными строчками. Буквы в них были незнакомые – какие-то крючки.

– Не понимаю! – признался Богданов.

– А говорил про лыко... – старик усмехнулся и забрал свиток. – Хорошо, хоть слова разумеешь.

Богданов внезапно сообразил: все это время обитатель пещеры говорил с ним на незнакомом языке – гортанном и тягучем. Причем Богданов не только его понимал, но и отвечал так же. «Чертовщина какая-то! – подумал легчик растерянно. – Гипнотизер он, что ли?»

– Не торопись вернуться к своим – дорога закрыта, – продолжил хозяин. – Исполни предначертанное, тогда проси. До тех пор меня не ищи – пещера не откроется. Спеши! Жидята близко.

Богданов кивнул и вышел. Спустившись, он оглянулся: пещеры не было! Ступеньки тоже исчезли. «Вроде не пил с утра! – удивился Богданов. – Галлюцинация? Набегался лесом, кислородом надыхался... Какая пещера в песчаном склоне – осыплется сразу... – он сунул руку за пазуху – травка была на месте. – Может, в лесу сорвал и забыл? – подумал Богданов неуверенно. – Ладно! В любом случае, надо спешить...»

Ручеек вывел его к реке. Пройдя берегом, Богданов увидел давешний скошенный луг, а через реку – лес и прогалину, куда ночью вкатился По-2. Присмотревшись, он даже различил кучку веток на опушке, сбоку от прогалины. «Лисикова замаскировалась!» – понял лейтенант и усмехнулся.

Богданов не успел ступить на луг, как из дальних кустов выметнулись всадники. Это были все те же ряженые фашисты. Они скакали стороной и Богданова не видели. Лейтенант подавил желание броситься ничком на траву. Кони! Нужен хотя бы один! Богданов неспешно двинулся своим путем, ожидая, когда заметят. Долго ждать не пришлось. Вдали закричали, загигикали, послышался нарастающий топот. Богданов оглянулся и, решив, что пора, побежал к броду. Позади наддали – крики приближались. Бой на лугу в намерения Богданова не входил. Из пистолета всадников не положишь, а вот саблей по голове получишь запросто. Летчик рванул изо всех сил, скатился к воде и влетел в реку, вздымая столбы брызг. Перебежав на свой берег, Богданов остановился. Он не сомневался: Лисицова врагов заметила и прицелилась. От брода до опушки – сотня метров. Для «ДТ» – что в упор.

Преследователи остановились на том берегу. Их разделяла только река. Бородатые, загорелые мужики в кольчугах оторопело разглядывали Богданова и ступить в воду не решались. «Так и уйдут! – подумал Богданов, доставая «ТТ». – Хоть одного подстрелить! Черт, далеко...» Чернобородый, коренастый всадник (по повадкам было видно, что старший) первым тронул коня.

– Стой! – сказал Богданов, вытягивая руку с пистолетом. «Лисицова, видишь – это враги!» – Целее будешь.

– Ты кто? – спросил всадник.

– А ты? – не замедлил лейтенант.

– Жидята, сотник князя Казимира. Это мои кметы.

«Старик предупреждал!» – кольнуло в виске Богданова.

– Зачем бежал? – продолжил Жидята. Говорил он не по-русски, но летчик понимал. –

Одежа на тебе чудная.

– Я, – медленно сказал летчик, – лейтенант Красной Армии Богданов.

– Богдан! – обрадовался Жидята. – Ты-то и надобен! Князь тебя ищет!

– Зачем? – спросил Богданов.

– Потолковать! – ухмыльнулся Жидята.

«Как со стариком в деревне!» – подумал лейтенант.

– Видал я твоего князя! – сказал он громко и показал для наглядности, где.

Жидята побагровел и выбросил руку в сторону летчика.

– Имать его!

Всадники разом врубались в реку. Богданов упал, открывая штурману линию огня. Кони кметов скакали, вздымая брызги выше голов. Грозная, беспощадная лава неслась к Богданову, выплескивая воду из берегов, и лава эта казалась неудержимой. На середине реки перед нею встала стена. Кони передних кметов рухнули в воду, всадники перелетели через головы животных, вскочили и снова упали. Пулемет за спиной Богданова гремел без остановки. Винтовочные пули калибра 7,62 пробивали тела людей насквозь, попав в грудь лошади, прошивали круп до хвоста. Падали кони, падали люди; раненые захлебывались, не в силах приподняться, чтоб вдохнуть воздуха, и равнодушная вода пила кровь из их ран. Лошадь последнего кмета свалилась в двух шагах от летчика. Всадник соскочил в воду и тут же рухнул ничком – уже на берег. Пулемет стих. Богданов потрясенно смотрел на разгром. Мертвые люди и мертвые кони лежали в воде, розовые струи тянулись от неподвижных тел вниз по течению.

На том берегу оторопело смотрел на погибших Жидята. Пули его не задели. Опомнившись, сотник повернул коня.

– Стреляй же, стреляй! – закричал Богданов, вскакивая. – Уйдет!

Пулемет молчал. Богданов выстрелил из «ТТ», Жидята только головой мотнул. Через мгновение он одолел откос и скрылся за кромкой берега.

– Твою мать! – Богданов едва не шваркнул пистолет о землю. – Дура! Задушу! Собственными руками!

Он сунул «ТТ» за пояс и пошел к убитому. Пуля попала кмету в шею, разворотив позвонки на затылке. Шлем валялся в стороне. Богданов расстегнул пояс убитого, ворочая труп, стащил кольчугу, после чего ощупал тело. Документов на убитом не оказалось. В одежде отсутствовали карманы. К поясу кмета, кроме сабли и ножа, был прицеплен маленький кожаный мешочек. Богданов распустил ремешок, стягивавший края, – серебряные монетки, штук десять.

Забрав кольчугу, шлем и ремень с саблей, Богданов двинулся к опушке. «Почему мне так не везет! – думал с горечью. – Что бы осколок пришелся чуть выше?! Похоронил бы ее здесь. Земля мягкая, песок, без лопаты могилку выкопать можно. После чего – на восток! Через сутки-другие – у своих!..

Подойдя к опушке, Богданов бросил трофеи, сел и долгим, тяжелым взглядом посмотрел на штурмана. Лисикова лежала на разостланном комбинезоне, босая. «Загораем! – с ненавистью подумал Богданов. – А командир зайцем бегаёт».

– У меня магазин в пулемете кончился, – сказала Лисикова, ежась под его взглядом. – Пока меняла, вы вскочили. Боялась зацепить.

– Коней зачем постреляла? – спросил Богданов тоскливо.

– Думала, вас убили! Тот руку вытянул, и вы сразу упали...

– Десять коней к броду привел – хоть бы один остался! – продолжил Богданов. – Как самолет вытащить?

Лисикова подавленно молчала. Богданов встал, снял промокший до пояса комбинезон. Стащил сапоги, выкрутил портянки и заново обулся. Пошарил в кармане комбинезона. Коробка с папиросами размокла, к тому же, падая, он ее раздавил. Запасной у него не было, а курить хотелось до воя. «Самому ее застрелить?» – подумал Богданов. Взгляд его упал на веточку старика – выпала из одежды. Хм...

– Снимай штаны! – приказал Богданов.

– Зачем? – сжалась Лисикова.

– Лечить буду. Вот! – Богданов поднял веточку. – Знахарь дал. Сказал: рана затянется!

Лисикова повеселела и стащила шаровары. Богданов сунул веточку в рот и стал жевать. Травка слегка горчила, кончик языка пощипывало. Лисикова покосилась, но промолчала. Богданов размотал бинт на ее ноге, рванул присохший тампон. Она скрипнула зубами, но смолчала. Лейтенант выплюнул кашицу на тампон, шлепнул на рану, заново забинтовал.

– Щиплет! – сказала Лисикова, прислушавшись к ощущениям. – Как после зеленки.

– Может, зеленка у них такая, – сказал Богданов, расправляя на траве кольчугу. Вытряхнул на нее содержимое кожаного мешочка, рассмотрел монеты. Они были маленькие, легкие, большей частью потертые. На сохранившихся проступали латинские буквы. На оккупированной немцами территории советские деньги ходили наравне с немецкими, а эти монеты не были ни теми, ни другими. Богданов вытащил саблю. Она была широкой, со следами молота на клинке – явно не фабричной выделки. Грубая рукоять, обмотанная ремешком, кожаные ножны. Нож оказался не лучше, хотя отменно заточен.

– Кто это был? – спросила Лисикова.

– Какие-то кметы, – пожал плечами Богданов. – Прихвостни фашистские! Старика убили, деревню сожгли – сам видел.

– Почему так одеты?

– Не знаю! – Богданов бросил нож и взял шлем. – Огнестрельного оружия у них нет, только эти железки. Ничего не понимаю!

– Кметами в средние века называли дружинников князя, – сказала Лисикова.

– Откуда знаешь?

– Училась на историческом. Все учебники зимой прочла – хотела сдать курс экстерном, – Лисикова зарделась, поняв, что похвасталась.

– Жидята что-то говорил про князя, – вспомнил Богданов.

– Какой Жидята?

– Которого ты упустила.

Лисикова надулась.

– Не знаю, в кого играют эти прихвостни, но они вернутся, – сказал Богданов. – И, скорее всего, – с немцами. Поставят «МГ» на том берегу и сделают нам сквозняк. Надо уходить.

Лисикова кивнула и принялась наворачивать на ступни портяночные вороха.

«Самолет сжечь нельзя, – думал, наблюдая за ней, Богданов, – дым внимание привлечет. Разобью приборную доску, затем – цилиндр мотора. «ДТ» придется бросить – с Лисиковой не унести...

Штурман осторожно встала на ноги и ойкнула.

– Что? – нахмурился Богданов.

– Не болит! – изумленно сказала Лисикова.

– Идти можешь?

Лисикова осторожно шагнула раз-другой, радостно кивнула.

– Не налегай на раненую ногу! – сказал Богданов. – Откроется кровотечение!

«Наверное, в травке – наркотик или какое другое анестезирующее вещество, – подумал он. – Это к лучшему. Не все ж на себе тащить!»

– Товарищ лейтенант! – вдруг позвала Лисикова. Она смотрела вверх его плеча.

Богданов стремительно обернулся. На противоположном берегу стоял всадник.

– К пулемету! – крикнул Богданов, падая на траву. Лисикова рухнула на комбинезон и прикинула к прицелу.

– Только аккуратно! – взмолился Богданов. – Нам нужен конь!

В следующий миг он едва не застонал. Рядом с одиноким всадником появился другой. Затем третий, четвертый... Скоро Богданов сбился со счета. Берег заполнялся конниками все дальше и дальше. Всадники останавливались и смотрели вниз – на следы недавнего разгрома.

– Не стреляй! – приказал Богданов. – Пусть войдут в реку!

У него теплилась надежда, что прискакавшее к реке войско уйдет. Надежда была прозрачной, и скоро Богданов в этом убедился. Всадник в блестящих на солнце доспехах и сияющем островерхом шлеме медленно спустился к воде. Следом устремилось еще несколько, другие остались на месте. Некоторое время блестящий воин смотрел на трупы людей и коней, затем направил коня в реку. Спутники устремились за ним, но всадник движением руки остановил их. Богданов сжал плечо штурмана:

– Не спеши!

Одинокий всадник миновал брод, подъехал к лесу и двинулся вдоль опушки.

– Слушай меня! – сказал Богданов. – Сейчас выйду к нему и прикинусь своим. Главное, чтоб подпустил. Убью, возьму коня – и сюда! Стреляй, когда другие поскачут на выручку! На этот берег не пускай! Обойдут с флангов – прощай, Родина! Патронов не жалея! На коне мы уйдем...

Богданов понимал, что шансы уйти у них – крохотные, но выбора не оставалось. Всадники на берегу видели трупы в реке и понимают: в лесу враг! Винтовок и пулеметов у них не заметно, но наверняка есть. Уходить с Лисиковой надо в лес...

Богданов натянул на себя кольчугу, нахлобучил шлем, подпоясался ремнем с саблей. Взведенный «ТТ» сунул за пояс. Всадник в блестящих доспехах был близко. Богданов вышел из-за кустов. При его появлении словно вздох прошелестел на том берегу. Всадник остановил коня, приглядываясь, затем поскакал навстречу. Богданов ждал, пока тот приблизится. Стрелять следовало наверняка. Всадник остановил коня в двух шагах от летчика и наклонился, чтоб лучше рассмотреть незнакомца. Рука Богданова, потянувшаяся к «ТТ», замерла. На коне сидела женщина!

Некоторое время всадница в доспехах и Богданов разглядывали друг друга. Женщина была молодой, румянощекой, с алыми пухлыми губами – настоящая красавица. Она смотрела на Богданова с недоверчивой радостью. Затем порывисто бросила повод и соскочила на землю. Стало ясно, что, ко всему прочему, бог не обидел ее статью.

– Я княжна Евпраксия! – сказала всадница звонким голосом. – А ты?

Рука летчика непроизвольно взлетела к шлему.

– Лейтенант Красной Армии Богданов!

– Богдан! – всплеснула руками княжна. – Наконец-то!

Она шагнула ближе и, прежде чем Богданов успел что-либо предпринять, обняла и поцеловала его. Троекратно, по-русски. Последний поцелуй пришелся в губы, оставив тонкий аромат лесной земляники.

– Это Богдан! – закричала княжна, повернувшись к реке. – Мы нашли!

Ответом был рев сотни глоток. Всадники волной потекли к реке. Многие, избегая толчеи у брода, бросались в воду и плыли, цепляясь за поводья.

«Только б Лисикова не выстрелила!» – испугался Богданов и закричал, обернувшись:

– Не стрелять!

Лисикова не выстрелила.

4

Жидята давно закончил рассказ и теперь сидел, исподлобья поглядывая на князя. Казимир повернулся к наемнику.

– Конрад?

Капитан пожал плечами.

– Думаешь, колдун? – не отстал князь.

– Колдун может наслать мор, – сказал Конрад, – чарами извести человека, приворожить женщину к мужчине и наоборот. Колдуны вызывают дождь и разгоняют тучи. Сам я такого не видел, но люди говорили. Нам приходилось стоять в оцеплении, когда жгли колдунов. Чаше это были колдуньи. Говорили: они летали на метлах и совокуплялись с дьяволом. Не заметил, чтоб дьявол им помог – горели они, как обычные люди, и вопили так же. Я не слышал, чтоб колдун убивал людей, пробивая тела. В том нет нужды: добрый арбалет делает это не хуже.

– У Богдана не было арбалета! – вскричал Жидята.

– Зато у людей его были! – невозмутимо продолжил капитан. – Сотника заманили в засаду – это ясно даже младенцу. Когда всадники оказались на дистанции прицельного выстрела, их убили вместе с лошадьми. Место засады выбрано умно – брод. Конь в воде не может скакать быстро – целиться проще.

– Я не видел никаких арбалетчиков!

– Стояли в лесу, – сказал Конрад. – Кто показывает засаду раньше времени?

– Почему гремело?

– Барабан! Дали знак для стрельбы, затем грохотали, пока всех не убили. Обычное дело.

– Арбалетная стрела пробивает любую бронь, – сказал Казимир, – но не в состоянии пробить человека в доспехах насквозь.

– Если доспех миланской работы. Литовские кольчуги протыкают ножом.

– Мне приходилось стоять под стрелами! – сказал Жидята. – Их всегда видно.

– Арбалетный болт – маленький, его трудно разглядеть. Особенно, когда летит прямо в тебя. К тому же арбалет может стрелять не только болтами, но и пулями – свинцовыми или чугунными. Их при всем желании не заметишь, пока не получишь в лоб, – капитан усмехнулся. – Я понимаю, господин, почему вы спрашиваете. Мне рассказали легенду о Богдане. Ею бредит каждая портомойка города. Если верить их рассказам, Богдан прилетит на большой птице. Птица была?

– Не видел! – насупился Жидята.

Конрад ухмыльнулся.

– Полагаешь, Богдан не колдун? – спросил Казимир.

– Может, и не Богдан вовсе, – сказал капитан.

– Почему?

– По предсказанию, от которого потеряли разум все в округе, в том числе и князя, – Конрад сделал ударение на последнем слове, но Казимир будто не заметил, – Богдан – чародей. Летает в небе и поражает врагов громом. Почему он не испепелил сотника и кметов? Почему убежал от них? Почему упал перед засадой? Не потому ли, что боялся угодить под свои стрелы? Ответ прост: тот, кто назвался Богданом, не чародей. Он, несомненно, ловок и хитер, но смертен, как и мы. Смертного я не боюсь.

– Богдан он или нет, – сказал Казимир, – но княжна приведет его с толпами смердов. Прежде они дрожали, теперь осмелеют. Сборск обложат – мышь не проскочит! Я пошлю за подмогой в Венден.

– Почему не в Плесков? – удивился капитан. – Он рядом!

– Довмонт только посмеется. Он посадил меня в Сборске, чтоб я защищал Плесков, а не он меня – от княжон.

«Тем более, раз с нею не справился!» – усмехнулся про себя Конрад.

– До Вендена скакать пять дней, – продолжил Казимир. – Войско братьев к рейзу не готово – собирают к Рождеству Богородицы. Пошлют гонцов по крепостям... Ранее, чем через месяц, не жди. Мы выстоим месяц, Конрад?

– Ни одна осада не длится месяц, – сказал капитан. – В Венден можно не посылать. Если город не захватили через неделю, осаду снимают. Тысячи ртов трудно кормить. Вокруг Сборска еды мало – прошлогодний хлеб кончился, новый еще не поспел. Подвоза нет, денег у княжны нет, веси запустели... Смерды – не воины, ждать не умеют. Постоют и разбегутся.

– Они могут взять город приступом!

– Это как? – усмехнулся Конрад.

– Взобраться на стены или выбить ворота!

– Сборск стоит на горе, три стены его высокие и отвесные, – сказал капитан. – Лестницы здесь не поставишь. С четвертой стороны мешают ров и вал. Прорваться внутрь можно через ворота – больше никак. Подход к ним защищают две стены вдоль дороги. Арбалетчики сверху застрелят всех, кто приблизится. Смерды могут стоять в отдалении, вопить, потрясать оружием и посылать нам проклятья, но ворота этим не откроешь. В таких случаях помогает подкуп, но откуда золото у княжны? Двух сотен солдат, что есть у меня и Жидяты, для защиты стен достаточно.

– Смердов будет тысяча!

Конрад хмыкнул.

– У княжны Евпраксии, насколько знаю, сотня обученных кметов, остальные – сброд. Мои парни отдубасят их даже в поле. Они это могут! Я не знаю, почему рыцарей-монахов считают лучшими воинами. Их била даже Жмудь! Уроженец земли Швиц стоит трех колбасников, нацепивших белые плащи с крестами. Это латная пехота, князь! Помню, нас атаковала железная конница герцога Миланского. У каждого полный доспех, тяжелое копьё и двуручный меч. Они неслись, громыхая, как войско ада. Казалось, нет силы, способной их остановить. Герцог ерзал в седле, предвкушая победу, но мы стали в десять рядов, загородились щитами и уперлись древками в землю. Арбалетчики натянули тетивы и наложили болты с гранеными наконечниками. Миланцев было двое против одного нашего...

– Я помню! – оборвал князь. Наемник пустился в воспоминания. Его звали не за тем. – Обещаешь, что продержимся месяц?

– Хоть полгода!

Князь жестом отпустил капитана. Тот встал и, громыхнув железными подковками, пошел к двери. Ступив в коридор, Конрад услышал слова Казимира, обращенные к Жидяте:

– Всех жителей города – за стены! Наемник прав: ворота откроет измена...

Казимир говорил по-русски, думая, что капитан не понимает. Рота наемников прибыла в Сборск недавно. Казимир обрадовался ей, как голодный куску хлеба. Князь дотошно расспросил Конрада о достоинствах его алебардчиков, с упоением слушал воспоминания капитана о прошлых битвах, но узнать, говорит ли Конрад по-русски, не удосужился. Нужды в том не было. Князь свободно говорил по-немецки и на других языках, распространенных в землях ордена – впрочем, как и Жидята.

– Трус! – сплюнул Конрад. Выслать людей из города – это значит, увеличить войско врага и создать трудности себе. Кто будет готовить еду воинам, перевязывать им раны, подносить камни и стрелы? Кто накормит коней и подведет их к воротам для вылазки? Разумеется, это могут делать солдаты, но их придется снимать со стен. В критический момент защитников не хватит. Хорош князь, не доверяющий подданным!

Нет худшей участи, чем служить трусу. Станет поминутно менять решения, посылать солдат не туда, все запутает, бросит войско в свалку, понесет напрасные потери, а после обвинит в поражении тех, кто проливал кровь. Конраду приходилось видеть. Среди высоких, заснеженных гор земли Швиц лежат чудесные долины, где хочется жить и умереть, но места не хватает даже на кладбищах. Тысячи мужчин за далекими Альпами с детских лет учатся владеть арбалетом, копьем и алебардой, потому что иного пути заработать кусок хлеба, кроме как полив его кровью, у них нет. Приходится служить трусам, если те платят. С оплатой в Италии стало плохо, и Конрад договорился с вербовщиками ордена. Предложение было щедрым: в Европе столько не платили. Орден даже купил им коней. Поначалу Конрад радовался. Служба не была обременительной. В Ливонии идет маневренная война, литовские язычники делают стремительные набеги на земли ордена и сразу отступают. Рыцари-монахи сражаются конными, наемники на конях только передвигаются. Роте Конрада приходилось сражаться не часто. Они охраняли замки и дороги, изредка выходили против язычников. Те бились храбро, но неумело. Вышколенные, закованные в латы наемники легко громили их в поле. Потери, конечно, случались, но войны без потерь не бывает. В Италии гибли чаще. Там, случалось, кондотьеры противоборствующих сторон договаривались. Наемники старательно изображали битву, дубася друг друга по щитам, и расходились бескровно. Постоянно обманывать нанимателей, однако, не получалось. Те требовали побед, а победы даются кровью. В Ливонии кондотьеры не сговаривались, у врагов ордена их попросту не было.

Жизнь в ордене была сытной. Платили аккуратно, кормили вкусно, одевали тепло. Конрад стал привыкать даже к местным морозам. В горах земли Швиц снег лежит даже летом, зимою заносит дороги по грудь коню, но там нет пронизывающей ледяной стыни, мгновенно опаляющей лицо и руки, превращающей тело в негнущееся дерево. В первую зиму Конрад думал, что умрет. Обошлось. В этих местах рубят теплые дома и складывают замечательные печки, на которых можно даже лежать. Немецкие камины не идут с ними ни в какое сравнение. Возле камина можно просидеть ночь, лязгая зубами, в то время как огонь обжигает лицо. Печка согревает тело и душу. Однако шло время, и капитану все меньше нравилась служба. Что ни говори о выучке немецких рыцарей, дерутся они храбро. А вот в мирное время... Братом ордена может стать дворянин – и только. Простолюдину, как бы ни был он отважен, не носить белый плащ с крестом, его участь – прислуживать. Мальчишка-рыцарь плюет на ветерана, искалеченного в боях, если тот не имеет прославленных предков. Неважно, какая это слава, главное – «фон» при фамилии. Конрад знал своих предков до восьмого колена, но они не считались благородными. В земле Швиц нет королевских дворов, поэтому нет и дворян. Конраду не давали слова на военных советах. Он получал приказы и выполнял их. Рыцари, с которыми сражался бок о бок, не подавали руки – не достоин. Братья ордена говорили на одном языке с Конрадом, но относились к нему, как к чужаку. Хлеб ордена стал горек, и Конрад желал есть свой.

Была еще причина, по которой Конрад стремился к покою. На Троицын день ему стукнуло тридцать девять – почтенный возраст для того, кто надел латы в четырнадцать. Сверстников Конрада давно нет: кто-то подался в другие края, но большинство оплатили кусок хлеба головами. Капитана манила мирная жизнь – тем более, что для нее он кое-что сберег. Разумеется, в землю Швиц он не вернется. Родители и близкие родственники умерли, другие забыли юного Конрада. Землю в Швице можно купить, но ковырять ее плугом или пасти коров не хотелось. Бывая в городах ордена – как в Ливонии, так и в Пруссии – Конрад расспрашивал и приценивался. В больших городах дома стоили дорого, в маленьких жизнь беспокойная. На дом ему хватит, но для торговли нужно золото. Местные купцы не горят желанием принять чужака к себе – боятся соперников. Колбасники! Лучше обосноваться в новых землях, захваченных рыцарями. Дом не будет стоять совсем ничего – его можно взять, как добычу. Местные купцы возражать не будут, потому как разбегутся. Орден, захватив земли, очищает их от

неугодных и заселяет своими людьми – для опоры. Переселенцев привлекают привилегиями, освобождают от податей. Золотое время для сметливого человека!

Орден новых земель не захватывал, сберегал старые. Конрад терпеливо ждал. Оживился, прознав о походе на Плесков. Разумеется, никто не посвящал капитана в тайну. Но для тех, кто служит в орденских замках, достаточно внешних примет. Сначала между замками засновали гонцы, затем собрался капитул. Проходил он за закрытыми дверями, но двери охранял Конрад. Братья ордена – воины, в отличие от мирных монахов, говорят громко. Так Конрад узнал о Плескове. Капитан бывал в этом городе – сопровождал братьев и купцов. Плесков его поразил. Огромный (больше всех виденных городов), многолюдный, богатый. Мощеные улицы и площади, сотни лавок, заваленных товаром... Кроме каменного собора, дома и городские стены – из дерева, даже площадь вымощена деревянными плашками. Это не пугало. Конрад знал, насколько теплей и уютней деревянный дом в сравнении с каменным. Даже на стенах Вендена, сложенных из камня, проложены деревянные дорожки для стражи – чтоб не морозила ноги. К тому же деревянный дом дешев, его не страшно потерять при пожаре.

Плесков прочно поселился в мечтах Конрада. Понятно, что не только его. Братья-рыцари не раз подступали к стенам Плескова, но уходили ни с чем. Город стоял у слияния рек, на меловой скале. Стены Плескова высоки, защитники отважны. Ордену удалось захватить город только однажды и не приступом: бояре-изменники открыли ворота. Не прошло и двух лет, как новгородский князь Александр прогнал захватчиков. Александр давно лежал в могиле, но в Плескове сидел Довмонт. Беглый литвин, крещенный схизматиками, Довмонт, оправдывая доверие, орден бил нещадно. Тридцать лет тому войско Довмонта разнесло в прах соединенное войско магистра. Орден не мог оправиться двадцать лет, о Плескове братья не вспоминали.

Вспомнил новый ландмейстер. Немец оказался умнее предшественников. Не стал собирать большое войско, что трудно скрыть от врага. К тому же войско требует денег. Братья-рыцари воюют бесплатно, как и европейские дворяне, давшие обет сражаться с язычниками, но в Плескове не язычники. Схизматики не признают римского папу, но все же христиане. Битва с ними не послужит славе божьей – рыцари не приедут. Без наемников не обойтись, а это марка серебра на копье. Добавь коней, оружие, провиант... Ландмейстер придумал военную хитрость. На пути из орденских земель к Плескову стоит Сборск – форпост плесковских земель. Обойти его невозможно, взять трудно. Пока войско ордена вязнет у сборских стен, князь Довмонт собирает рать... Предстояло овладеть Сборском тайно, чтоб Довмонт не встревожился. Так в городе появился Казимир.

Вначале он объявился в Плескове. Молодой, родовитый литвин, изгнанный из родных земель в ходе княжеской распри. Так он сам поведал. Престарелый Довмонт с радостью принял гостя. В изгое он увидел себя, некогда вот так же искавшего приют. Довмонт стал восприимчивым Казимира при крещении, нарек его Алексеем и с удовольствием принял просьбу крестника поспособствовать женитьбе. Сборский посадник Андрей, младший сын Муромского князя, имел красавицу-дочь, единственное и любимое чадо. Казимир сказал Довмонту, что наслышан о ее красе, Довмонт не возражал. Андрей был немолод, хворал, и дать ему зятя, готового стоять насмерть за новую родину – что может быть лучше? К Андрею послали вестника, следом выехал жених с дружиной. Сам Довмонт не поехал – недужилось, князь ветх годами. Все шло по задуманному, но в Сборске случилась заминка. Жених не понравился невесте и тестю. Казимир был высок и хорош собой, но на пиру поссорился с Андреем. Говорили, что жених, выпив, стал хвалить орден и его ландмейстера, а Андрей немцев не жаловал – много крови пролили. Кметы Андрея опознали среди воинов Казимира тех, кто сражался с ними на стороне ордена, и сотник Данила имевший виды на княжну, сообщил это князю. Княжне Евпраксии жених показался скользким и лживым. Князь Андрей не хотел ссоры с Довмонтом. Позвал Казимира к себе, велел подать меду и еды... О чем говорили наедине два князя, никто не знал – посторонних за столом не было. В тот же день князь Андрей умер. После разговора с гостем

ему занедужилось, и он пошел в опочивальню. Нашли его там уже холодного. Дочь князя обвинила в этой смерти литвина. Дескать, опоил князя, подсыпал зелья в чару. Послухов не было, розыск не учиняли. Гостей вышибли за стены и затворили ворота.

Открыть их пришлось – и вскоре. Довмонт показал нрав. Казимир вернулся с грамотой, утверждавшей его посадником в Сборске, а княжне на словах было велено передать следующее. Быть ей женою князя Казимира, в святом крещении Алексея, или не быть – решать Довмонту. После смерти Андрея он ей отец. По истечении сорока дней траура – свадьба. Откажется – дорога в монастырь. И пусть не едет в Плесков жаловаться. Князю до ослушницы дела нет.

Евпраксия ослушалась. Тут бы Казимиру обрадоваться, отправить строптивую в монастырь, но жених этого не сделал. Говорили, влюбился. Не мудрено – в такую-то красавицу! Евпраксию посадили под замок, а зароптавший Сборск умирляли беспощадно. Тех, кто громко хулил Казимира, хватали, били плетьюми и бросали в поруб. Розыском и казнями занимался Жидята, ставший в Сборске полным хозяином. Двое горожан умерли от побоев, и город притих. Зато стал пустеть. Из-за городских стен и посада потянулись повозки, увозя семьи и нажитое. Поначалу им не мешали, но потом стали перенимать и заставляли ворочаться. Город мог остаться без жителей! В этой замятне случилось непредвиденное: Евпраксия сбежала.

Прослужив ордену несколько лет (в Плескове о том не ведали), Казимир ничему не научился. Братья умели охранять узников. В подвалах вешали на железные петли дубовые двери, ставили верную стражу, заковывали непокорных в цепи. Евпраксию просто заперли в хоромах, оставив для услужения девку. Княжна из хором выйти не могла, зато девка – запросто. Она и снеслась с Данилой.

Став посадником в Сборске, Казимир принял под начало его дружину. Привыкнув к орденским порядкам, литвин не сомневался: кметы будут послушны. В ордене менялись магистры и ландмейстеры, что не сказывалось на верности слуг. Им ведь платят! Но это была русская дружина... Кметы Данилы не участвовали в казнях, Казимир не приневоливал – хватало Жидяты с его псами. Люд Сборска это заметил и сделал выводы. Невозможно вовлечь в заговор сотню людей, чтоб о том никто не прознал, однако Казимира не упредили. В одно утро стражу у дверей Евпраксии нашли связанной, а сама княжна исчезла. С княжной ушла сотня Данилы, а с ней – немало люда из города и посада. Как это можно сделать, никого не потревожив, было непонятно, но случилось. Ворота Сборска стояли распахнутыми, княжны и ее людей след простыл.

Над молодым князем потешался весь Сборск. Кметам Жидяты хохотали в лицо. Растерянные люди сотника даже не помышляли кого-то хватать. Казимир опомнился быстро. Ворота закрыли, в Венден ускакал гонец. Он вернулся через десять дней – вместе с ротой Конрада.

Суровые наемники мгновенно навели порядок. Они никого не хватали и не били. Этим занимались люди Жидяты. Латники встали у ворот, на стенах, на улицах и площадях. Город мгновенно притих. Понял: это не ссора нового князя с дочкой прежнего, а нечто большее. Измена. Однако было поздно. Вход и выход в город и из города перекрыли, сообщить Довмонту о случившемся не получалось. Да и поверит ли Довмонт стороннику непокорной княжны? Город погрузился в отчаяние.

Именно тогда возникла, облетев Сборск и окрестности, легенда о богатыре Богдане. Говорили: не сегодня-завтра прилетит он на большой птице. Рухнут перед ним ворота, Богдан беспрепятственно войдет в город и возложит руку свою на изменника с подручными. Ждать Богдана следует со дня на день и не бояться: добрых сердцем богатырь не тронет. А вот изменников ждет суровая кара – висеть им на стенах города. Люди Жидяты не знали покоя, ведя розыск источников слуха, но ничего узнать не смогли. Дескать, сказал о том отроковице некий ведун, коего отроковица встретила в лесу, а она уж и разнесла. Но где тот ведун, где отроковица

– не ведомо. Потеряв терпение, Казимир отрядил Жидяту с кметами в лес, где по преданию обитал ведун – сыскать и доставить. Вот Жидята и сыскал...

Конрад проведал эту историю из самого надежного источника – от женщины. Первый день в Сборске он провел в хлопотах. Следовало разместить роту в не страдавшем избытком места городе, позаботиться о лошадях (они едва не загнали их в бешеной скачке), договориться о кормах и довольствии. Распоряжаясь в княжьем дворе, он услышал шум. Кричала женщина. Громко, требовательно и угрожающе. Конрад пошел к воротам. У входа наседали на стражу баба: сердитая, с раскрасневшимся лицом. Двое латников сдерживали напор.

– Чего хочет? – спросил Конрад случившегося рядом кмета.

– Трех немцев на постой дали, – громко ответил кмет. – Говорит: много! Для такой в самый раз – одному не объездить! – кмет загоготал.

– Чтоб ты сдох, уд жеребий! – набросилась баба на кмета. – Заткни пасть свою псиную! Я честная вдова, а не какая-то блядь!..

Кмет потянулся к сабле, но Конрад перехватил руку и сделал знак женщине: «Идем!» Та подчинилась.

Ульяна (так звали вдову) жила у самых ворот, рядом с караульной избой и неподалеку от конюшни. Конрад с первого взгляда определил выгоду расположения. Избенка у вдовы оказалась неказистой, но чистой, троим в ней и вправду тесно. В доме приятно пахло свежее испеченным хлебом.

– Переведи людей в другой дом! – велел Конрад сопровождавшему его солдату. – И принеси мои вещи – здесь поселюсь!

– Капитану отвели место в хоромах! – удивился солдат.

– Далеко от караулки! – сказал Конрад. – Несите!

– Я здесь жить! – сказал он бабе. – Один. Другой уходить, – Конрад понимал по-русски гораздо лучше, чем говорил.

– Гляди ты, не немец! – удивилась Ульяна. – По-нашему говорит!

– Я не ест немец! – подтвердил Конрад. – Буду на закат.

Однако пришел он затемно: задержался у князя. Вдова ждала.

– Баню истопила! – сказала, завидев постояльца.

– Гут! – буркнул усталый капитан.

– Попарить?

Конрад кивнул. Он не удивился. В восточных землях ордена, как и на Руси, женщины мылись в банях вместе с мужчинами. Монахам это запрещалось, но монахов в баню не звали. Конрад достал из седельной сумки чистые подштанники, рубаху и штаны, которые русские зовут «портами». В жарко нагретой бане стоял медовый дух и тускло горела лучина. Ульяна уложила гостя на застеленный соломой пол и хорошенько выпарила березовым веником. Конрад блаженно постанывал. Между делом разглядел хозяйку. Она оказалась далеко не старой. Дородное, плотно сбитое тело, красивая, пышная грудь и широкие бедра. Окатившись водой из бочки, Конрад вытерся льняным рушником, оделся и пошел в дом. Ульяна явилась следом, достала из печи горшок щей и налила в миску.

Конраду есть не хотелось – накормили у князя, но с хозяйкой стоило ладить. Он нацедил из принесенного солдатом бочонка две кружки пива и показал Ульяне место рядом.

– Нельзя! – испугалась хозяйка. – Мужик вперед ест!

– В моей земле баба ест рядом с мужик! – сказал Конрад. – Они вместе работать и вместе есть.

Ульяна подчинилась. Они выпили пива, похлебали щей из одной миски. Конрад снова налил пива.

– Как зовется земля твоя? – спросила Ульяна.

– Швиц! – сказал Конрад.

- Далеко?
- Отшень.
- Женка твоя там?
- Я не иметь женка, – сказал Конрад.
- А дети?
- Нет.
- Так ты бобыль?
- Что ест попыль? – спросил Конрад.

Ульяна объяснила.

- Я ест попыль, – согласился Конрад. – Отшень-отшень старый попыль.
- Совсем не старый! – обиделась Ульяна. – Даже волос не седой!

Она встала и взъерошила ему волосы, как будто можно разглядеть седину при лучине. При этом грудь Ульяны оказалась как раз на уровне глаз Конрада. От нее исходил волнующий запах здорового, чистого тела. Конрад обнял женщину и прижал к себе.

– Пусти! – задвленным голосом сказала Ульяна. – Задушишь, медведь! Конрад разжал руки. Ульяна плюхнулась на скамью.

- Хоть из Швиц, а такой же! Сразу хватать! – сказала обиженно.

Ее лицо в свете лучины выглядело милым и родным. Конрад широко улыбнулся.

- Зубов полон рот! – вздохнула Ульяна. – А сам: «Старый!» Пригожий, черт!

Конрад встал и выбрался из-за стола.

- Куда ты? – остановила Ульяна. – Сказал бы что!

- Ты ест пригожий! – сообщил Конрад. – Добрый женка!

- Так бы сразу! – обрадовалась Ульяна. – А то хватать! – она встала и прижалась к нему.

Конрад погладил влажные волосы.

- На полатах постелила! – шепнула Ульяна задавленно. – На двоих. Чужло сердце...

Ульяна рассказала Конраду легенду о Богдане. Молчать эта женщина не умела. Немногословный и терпеливый Конрад был благодарным слушателем: не перебивал, в нужном месте вопросительно поднимал бровь или восклицал: «Я-я?» «Вот те крест!» – торопливо отвечала Ульяна и продолжала рассказ. Первым делом она поведала о своей печальной судьбе. Замужество за шорником, его безвременная гибель, а затем смерть прижитого в браке мальчонки. Ульяне было всего двадцать пять, и три года она вдовела. Повторно замуж не брали. Ульяна жаловалась: в Сборске мало мужиков, порядочных – и того менее, но Конрад прозревал истинную причину. Иметь женой языкатую бабу – удовольствие малое. А вот Конраду нравилось – привык к таким женщинам. Наемников в походах сопровождали подруги, и никто из них не был тихоней. Робкие у солдат не приживались. Орден не разрешил наемникам везти подруг в свои земли, о чем Конрад сожалел. Ульяна оказалась опрятной, домовитой и неутомимой в постели. Истосковавшись по мужской ласке, она буквально не давала Конраду спать. Днем он приходил обедать, и Ульяна, налив миску ухи, садилась напротив. Пока Конрад, не спеша, ел, Ульяна в нетерпении ерзала на лавке.

- Я иметь много дел, – говорил Конрад, заметив.

- Мы борзо, только разик! – возражала Ульяна и летела целовать, едва он клал ложку.

- Я рассказала бабам, какой ты у меня! – похвалилась Ульяна однажды.

- Затчем? – удивился Конрад.

– Чтоб сдохли от зависти! Они кричали: ни один мужик со мной не ляжет! Меня теперь по пять раз ночью да еще днем разик, а они забыли, как уд выглядит! Позеленели от злости!

Конрад захохотал. Подруги наемников хвалились женскими подвигами точно так же.

На третий день совместной жизни Ульяна спросила, крещеный ли он.

- Я-я! – удивленно ответил Конрад.

- Почему в церковь не ходишь?

– В рота ест свой монах. Он молиться за нас.

– И все?

– Перед битва молиться вместе. Монах отпускать нам грех. Мы допрый христианин.

Назавтра Ульяна, смущаясь, достала маленький сверток. Внутри оказался нательный крест.

– Батюшка освятил! Возьми! Будет хранить тебя от смерти и всякая напасти.

Конрад позволил надеть крест, только затем разглядел. Крест был серебряный, тяжелый, по всему видать – не дешевый. Капитан полез в кошель.

– Не, не! – замахала руками Ульяна. – Подарок!

Конрад кивнул и, порывшись в сумке, достал ожерелье – с камнями, богатое. Его доля в военной добыче, взятая в походе на ливонских язычников. Ульяна ахнула, долго разглядывала подарок и вечер переживала, что нет зеркала. Чуть свет, нацепив ожерелье, она убежала. Конрад понял: зловредные бабы позеленеют снова.

Крест он не снял. Любой наемник знает: нет лучше амулета, чем от любящего сердца, не у каждого такой есть. Солдаты роты носили на шее и за пазухой мешочки с камешками от стен Храма Господня, кусочками дерева Честного Креста, иголками с тернового венца Иисуса. Бродячие торговцы по всей Европе торговали такими святынями. Конрад относился к ним с подозрением. Провожая сына в Италию, мать подарила Конраду оловянный образок Богородицы, и Конрад никогда его не снимал. Богородица помогла: он не только дожил до средних лет, но и ранен был всего дважды. В последней схватке с литовскими язычниками Конрада хватили по шее мечом. Кольчужная бармица устояла – меч только оцарапал шею, но лезвие расколо шнурок, иконка потерялась. Конрад сильно переживал. Теперь появился новый амулет.

...Солдат разбудил его на заре. Едва глянув на встревоженное лицо наемника, Конрад все понял. Притомившись за ночь, Ульяна спала и не слышала, как он ушел. По деревянной лестнице Конрад взбежал на стену и присвистнул: луг за валом был полон людьми. Даже на беглый взгляд – не меньше тысячи.

– Почему разбудил поздно? – рассердился капитан.

– В темноте видно не было! – ответил солдат.

– Людей – на стены! – приказал Конрад. – И принеси мои доспехи...

Он закачивал облачение, когда появился князь. Следом поспешал Жидята. Выглядел Казимир неважно. Бледное лицо, покрасневшие, припухшие глаза. «Ночь пьянствовал!» – определил Конрад.

– Началось? – нервно спросил князь.

– Нет еще, – сказал Конрад.

– Почему медлят?

– На лугу сброд. У него нет головы.

– Вон она! – указал Жидята.

От реки скакали всадники. «Сотня!» – привычно определил Конрад.

– Евпраксия! – скривился Казимир. – И Данила! Сучка и кобель!

Конрада передернуло. Если княжна отказала – это не причина ее бесчестить. Особенно князю.

– Дозволь, княже, моим людям стать на стены у ворот! – попросил Жидята. – Добре стреляют.

Казимир глянул на Конрада. Капитан пожал плечами. Жидята хочет загладить вину – пусть! Сотнику неведома заповедь наемника: чем дальше от врага, тем слаще служба...

Жидята убежал собирать кметов, Конрад и князь остались. Толпа на лугу приветствовала всадников радостными воплями. Евпраксия (Конрад догадался, что всадник в блестящих доспехах – она), привстала на стремянах и что-то закричала в ответ. Толпа колыхнулась и стала распадаться надвое. Освободился широкий проход. Конрад пригляделся: от реки на луг что-

то тащили. Процессия приближалась, и капитан внезапно похолодел. Рядом переступил с ноги на ногу князь. «Неужели?...» – подумал Конрад.

– Дьявол! – воскликнул Казимир.

– Матерь Божья! – шепнул наемник.

Это была птица. Большая, с двойными крыльями и странным, торчащим вверх хвостом. Вместо головы – какая-то палка поперек туловища. Лапы птицы кончались колесами, которые катились по утопанной траве. Но не это было главным. Внутри птицы сидел человек! Капитан видел его голову в круглом шлеме и плечи, обтянутые блестящей кольчугой. Второй человек сидел за первым, со стен различалась его голова – и только.

Птица остановилась напротив ворот, Княжна и сотник подскакали ближе. Человек в птице что-то им сказал, Данила закричал, махая над головой плеткой, сотня зашевелилась и стала выстраиваться. Следом потянулся пеший люд. По всему было видать, что княжна с Данилой намеревались ворваться в Сборск, не слезая с седел. Кметы Жидяты, заполнившие привратные стены, натягивали арбалеты. Однако никто не стрелял – далеко. Болт долетит, но силы у него не будет.

Тем временем птицу откатали в дальний конец луга. Один из сидевших в ней вылез и повернул палку. Что-то затрещало, палка на голове птицы провернулась и превратилась в сверкающий круг. Человек заскочил обратно, птица стронулась с места и побежала, набирая скорость. На середине луга она оторвалась и взмыла в небо.

– Богдан! – прошептал Конрад.

Капитан посмотрел в сторону: Казимир бежал вниз по лестнице. Князь бросал своих воинов. Они не заметили этого, зачарованно наблюдая за птицей. Конрад колебался недолго. Предстоит битва. Погубить роту из-за труса?... Капитан повернулся к стоявшему рядом солдату.

– Всех людей со стен – на площадь! Взять щиты и алебарды! Коней оставить – не успеем оседлать! Живо!

Он побежал вниз, торопясь, пока не упали ворота.

5

От сабли Богданов отказался – зачем в небе? Да и лезть с ней в кабину... В остальном уступил: форма советского пилота княжне не глянулась. Богданов не спорил: еще ходил под впечатлением от увиденного и услышанного. Ему принесли штаны-порты, короткую суконную свитку и мягкие кожаные сапоги. Ремень Богданов оставил свой: привычней. В новой одежде не было карманов, Богданов поначалу оторопел. Потом сообразил: что в них носить? Имущества здесь всего ничего: ни документов, ни зажигалок, ни папирос... Он прицепил к поясу трофейный немецкий нож и кобуру, ложку сунул за голенище – все.

Проша, как переделал Богданов мысленно (Евпраксия – слишком длинно), облачила его в кольчугу. Новую. Трофейную, снятую с кмета, она внимательно рассмотрела и велела выбросить. Богданов кольчуге сопротивлялся, как мог.

– Ударят стрелой из-за куста – что буду делать? – сердито сказала княжна. – Или с мечом налетят? Давно Жидята прибежал?

Кольчуга с прикрепленными к ней пластинами-зерцалами весила около пуда и гнула к земле. Поначалу Богданов пал духом, но скоро обвык. Переодели и Лисикову. Разглядев в ней женщину, Проша изумилась и отвела Богданова в сторону.

– Твоя женка? – спросила, кусая губы.

Богданов покачал головой.

Следующий вопрос она задала глазами.

Богданов засмеялся. Проша глядела сурово.

– Она воин! – сказал летчик. – Кметов Жидяты убила.

В глазах Проши мелькнуло уважение, она велела переодеть «воина». Лисикова пыталась кочевряжиться, но, поймав взгляд лейтенанта, побежала за кусты. Вернулась довольной. Новая одежда пришлась впору, но более всего нравились штурману сапоги: мягкие, с низким каблучком и по ноге – запасная пара княжны. Лисикова и ножкой топала, и кожу гладила – все наглядеться не могла. Свою форму летчики свернули и спрятали в гаргрот – пригодится. Оставили себе лишь летные шлемы. От железных горшков на головах отказались решительно – в этом Богданов встал насмерть. Кольчугу Лисиковой не предложили. То ли Проша сочла, что малявку железо раздавит, то ли жизнь «воина» посчитала менее ценной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.